ARKHANGEL'SKI
IZ' LEKTSIĬ

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ

ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ МИѲОЛОГИЧЕСКИХЪ ИЗУЧЕНІЙ.

Библіографическіе матеріалы.

Ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго Университета

А. С. АРХАНГЕЛЬСКАГО.

КАЗАНЬ.
Типо-Литографія Императорскаго Университета.
1893.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ

ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ МИѲОЛОГИЧЕСКИХЪ ИЗУЧЕНІЙ.

Библіографическіе матеріалы.

Ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго Университета

А. С. АРХАНГЕЛЬСКАГО.

КАЗАНЬ.
Типо-Литографія Императорскаго Университета.
1898.

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго Факульте
Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ *А. Смирновъ.*

Изъ «Ученыхъ Записокъ» Императорскаго Казанскаго Университета, за 1893 г.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ

ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ МИѲОЛОГИЧЕСКИХЪ ИЗУЧЕНІЙ.

Интересъ къ «народности» и произведеніямъ народной поэзіи возникаетъ въ наукѣ лишь съ очень недавняго времени. Во все продолженіе XVIII в. на «народъ» смотрѣли съ особой, псевдоклассической точки зрѣнія, господствовавшей и въ литературѣ и въ обществѣ. «Французскій классицизмъ по пониманію народнаго элемента въ литературѣ былъ крайне одностороненъ; онъ относился къ народу равно фальшиво и въ исторіи и въ современности. Въ исторіи старыя времена представлялись или эпохой героической, на манеръ классической древности, какъ она понималась школой,—или эпохой патріархальности, съ невинностью первобытныхъ нравовъ, на манеръ классической идилліи и эклоги,—или эпохой невѣжественной грубости. Псевдоклассицизмъ вообще презиралъ національную старину,—незнавшую изящнаго быта, говорившаго «грубымъ», не вылощеннымъ языкомъ,—относясь къ современной простонародной массѣ высокомѣрно-равнодушно: въ «народѣ» смѣшно было бы искать героевъ, въ немъ допускалась идиллическая патріархальность, а больше находили невѣжественную грубость и простоватость,—«сельскую невинность», «простоту нравовъ»... Современный народъ въ ходячихъ понятіяхъ былъ народъ «подлый»,—«правда, не въ томъ отчаянномъ смыслѣ, какой имѣетъ это слово теперь, но все таки въ смыслѣ не очень одобрительномъ». Литература псевдо-классическая, вообще рѣдко вспоминала о народѣ,—и если «народъ» вводился въ книгу, то или какъ подначальная масса, или въ чертахъ шутливо-комическихъ, или въ чувствительно-идиллическихъ...

Первыя стремленія къ народности, къ произведеніямъ народной поэзіи, и на Западѣ и у насъ возникаютъ на почвѣ романтизма. Въ числѣ

разнообразныхъ элементовъ этого чрезвычайно широкаго и сложнаго движенія было и пробужденіе интереса къ народу, къ народнымъ преданіямъ, къ поэзіи, ко всей народной старинѣ. Ранѣе другихъ литературъ движеніе обнаруживается у англичанъ, потомъ въ Германіи. Въ 1765 г. въ Англіи выходитъ сборникъ народныхъ пѣсенъ еп. Томаса Перси: *The religues of ancient englisch poetry (Lond., 1765)*, — сборникъ староанглійскихъ и шотландскихъ балладъ; нѣсколькими годами раньше въ печати явилась небольшая книжка Макферсона: Отрывки старинной поэзіи, собранные въ Горной Шотландіи и переведенные съ гэльскаго или эрзійскаго языка (*Fragments of ancient poetry, collected in the Highands and translated from the gaelic or erse language. Эдинбургъ, 1760)*,—первое собраніе пѣсенъ, принадлежавшихъ «барду Оссіану, сына Фингала, жившему и пѣвшему свои пѣсни въ III столѣтіи, въ Горной Шотландіи»... Это была геніальная фальсификація,—необыкновенно хорошо угадавшая и настроеніе и потребности эпохи; извѣстно необычайно сильное впечатлѣніе произведенное изданіемъ Макферсона... Наиболѣе могущественнымъ представителемъ новыхъ, начавшихъ пробуждаться, интересовъ былъ Гердеръ (1744—1803), въ идеяхъ котораго—«зародыши новѣйшихъ взглядовъ на народную поэзію и многихъ отраслей современной этнографіи и сравнительно-историческаго изученія литературъ». Дальнѣйшимъ развитіемъ взглядовъ Гердера была дѣятельность братьевъ Гриммовъ, а также братьевъ Шлегелей и вообще новѣйшихъ романтиковъ. Постепенно въ литературѣ и наукѣ была упрочена идея народности...

У насъ во все продолженіе XVIII в. внутренняя связь съ народнымъ преданіемъ была довольно сильной. Сахаровъ между прочимъ такъ описываетъ барскій бытъ еще очень недавняго прошлаго: «Я зналъ и доселѣ знаю обыкновеніе тульскихъ бояръ сбирать пѣсенниковъ и сказочниковъ, слушать пѣсни и сказки. Потѣшники—такъ въ старину называли этихъ людей—принимали на себя всѣ увеселительныя должности. Они за деньги нанимались: лежать мѣсяцъ на одномъ боку, простоять недѣлю на одной ногѣ, бѣгать на пристяжкѣ вмѣстѣ съ лошадью, выпивать непомѣрное число воды и т. д. Всѣ рѣдкости записывались грамотнымъ дворовымъ человѣкомъ. Потѣшники странствовали изъ одного мѣста въ другое во всю свою жизнь, и стекались толпами тамъ, гдѣ щедрость боярская давала имъ пріютъ. Потѣшника, какъ новаго гостя, приводили прежде всего посмотрѣть на боярскія очи. Дворецкій предлагалъ боярину искусство новаго потѣшника. Начиналась проба. Если потѣшникъ нравился боярину, то его оставляли гостить; онъ долженъ былъ и сказывать сказки, и пѣть пѣсни, и творить разныя продѣлки. Въ свободное время умный дворецкій заставлялъ его обучать дворовыхъ людей новымъ пѣснямъ и сказкамъ. Все это дѣлалось на случай, когда боярину бывало скучно, когда не являлось новыхъ потѣшниковъ. Въ скучные часы дворецкій входилъ съ новыми пѣвцами и подавалъ книгу съ чудесными пѣснями и сказками»... Припомнимъ также тѣхъ дворовыхъ, которые иногда дѣлались воспитателями своихъ барчатъ,—«дя-

декъ», «мамокъ» и няней стараго барскаго быта; извѣстно, въ какой степени считалъ себя обязаннымъ своей няни Пушкинъ...

Интересъ къ произведеніямъ народной поэзіи поддерживался собираніемъ и записываніемъ самыхъ произведеній, существованіемъ особаго рода рукописныхъ сборниковъ,—нѣсколько такихъ сборниковъ дошло до насъ отъ XVII—XVIII в.; такъ у Чулкова было «собраніе древнихъ богатырскихъ пѣсенъ», позднѣе сгорѣвшее; извѣстенъ сборникъ «Кирши Данилова», изд. подъ названіемъ: *Древнія россійскія стихотворенія*, и нѣкр. др.

Уже съ самаго начала XVIII ст., иногда, время отъ времени, и у насъ высказывались болѣе здравыя представленія о народной поэзіи; такъ замѣчательны взгляды на этотъ предметъ, высказывавшіеся Тредьяковскимъ. Извѣстно его обращеніе къ «поэзіи нашего простаго народа», какъ къ источнику для изученія законовъ русскаго стихосложенія; смѣлость, съ которой Тредьяковскій рѣшился признать «сладчайшее, пріятнѣйшее и правильнѣйшее разнообразныхъ ея стопъ, нежели тогда греческихъ и латинскихъ, паденіе»,—дѣлаетъ честь его ученымъ представленіямъ и природному вкусу. Многія изъ народныхъ произведеній онъ считаетъ очень древними, и вообще «простонародное стихотворство, по мнѣнію Тредьяковскаго, зазираемо не основательно»... Любопытно мнѣніе Болтина (1735—1792) о необходимости строгаго, внѣ всякаго произвола, изученія и толкованія памятниковъ и воззрѣній народа. Болтинъ сознаетъ необходимость критическаго изученія старины. Такъ, по поводу помѣщеннаго въ «Досугахъ» (Спб., 1772) Попова «Краткаго описанія славянскаго баснословія» Болтинъ замѣчаетъ: «Г. Поповъ, будучи въ древностяхъ славянскихъ мало свѣдущъ, внесъ въ свое баснословіе все, что́ ему ни попалось безъ разбору, и многія такія вещи подъ статью боговъ помѣстилъ, кои никогда славянами боготворимы не были»... Всѣ эти и подобные взгляды были однакожъ исключеніями. Каковы были вообще тогдашнія наши этнографическія понятія, показываютъ напр. заботы Татищева († 1750), чтобы сказанное имъ «о мерзости идолослуженія» не принято было нѣкіими «безумными» за то, что «яко бы я оное съ почитаніемъ святыхъ мужей или иконъ ровняю»... Для характеристики господствовавшихъ у насъ въ XVIII вѣкѣ взглядовъ на народъ и его поэзію, любопытно также отмѣтить нѣкоторыя подробности во взглядахъ того же Болтина. Болтинъ хорошо знакомъ съ народнымъ бытомъ, народными преданіями и обычаями, памятниками народной поэзіи; въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ онъ нерѣдко пользуется этимъ живымъ матеріаломъ, приводитъ народныя пѣсни, повѣрья, пословицы, какъ остатокъ и свидѣтельство минувшихъ временъ; Болтину извѣстны и произведенія былинной поэзіи,—но къ послѣднимъ онъ относится недовѣрчиво, не придаетъ имъ большой древности; для изображенія древнѣйшаго быта, по его мнѣнію, нужно обращаться не къ этой народной поэзіи, а къ памятникамъ письменнымъ. Былинная поэзія вообще «не пользуется сочувствіемъ Болтина ни съ исторической, ни съ поэтической стороны. Пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ, о пирахъ князя Владиміра, и проч., по мнѣнію Болтина,—

пѣсни «подлыя», безъ всякаго складу и ладу. «Подлинно таковыя пѣсни замѣчаетъ онъ, изображаютъ вкусъ тогдашняго вѣка, но не народа, а черни, людей безграмотныхъ и, можетъ быть, бродягъ, кои ремесломъ симъ кормилися, что слагая таковыя пѣсни, пѣли ихъ для испрошенія милостыни,—подобно тому, какъ и нынѣ нищіе, а паче слѣпые, слагая нелѣпые стихи, поютъ ихъ, ходя по торгамъ, гдѣ чернь собирается. Сказанныя пѣсни такого жъ точно рода, какъ сіи нищенскія, называемыя стихами, и сочинены подобными авторами; слѣдовательно вкуса и нравовъ н а р о д а изображать не могутъ»... На памятники народной поэзіи, на народную поэтическую старину смотрѣли вообще больше съ точки зрѣнія литературной, обращались къ ней «для увеселенія читателей». Этнографія еще не отдѣлялась отъ поэзіи, или вообще творчества, этнографъ и поэтъ взаимно пользовались услугами одинъ другого. Х е р а с к о в ъ въ своей «Россіядѣ» пользуется «Описаніемъ славянскаго баснословія» М. П о п о в а; въ свою очередь Г р и г о р і й Г л и н к а въ «Древнюю религію славянъ (1801) вноситъ вычитанное у Хераскова, и «морского царя» описываетъ по «Петріадѣ» Ломоносова... Лишь съ самого конца XVIII в. начинаютъ все замѣтнѣе пробиваться въ нашей литературѣ новыя теченія. Все чаще появляются люди, которые начинаютъ интересоваться произведеніями народной поэзіи, начинаютъ ее цѣнить,—дѣлаютъ первыя попытки къ перенесенію ея въ область изящной литературы, начинаютъ писать стихи народнымъ складомъ, дѣлаютъ наконецъ первыя попытки къ ея собиранію и изданію...

Первыми трудами этого рода были сборники М. Д. Ч у л к о в а († 1793) и М. П о п о в а († 1790). Первому принадлежали:

— *Собраніе разныхъ пѣсенъ* (4 ч., Спб., 1770—1774 г.; вт. изд.—М., 1780—81; третье—М., 1788). Здѣсь впервые, рядомъ съ искуственными романсами, являлись въ печати пѣсни чисто народныя; по счету Сахарова, изъ 800 пѣсенъ у Чулкова 336 народныхъ.

— *Русскія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя и прочія, оставшіяся черезъ пересказываніе въ памяти приключенія* (М., 1780—1788, 10 ч.; позднѣе вышло нѣсколько сокращенное изданіе, третье,—въ 6 ч., М., 1820). Въ предисловіи къ своимъ «Сказкамъ» Чулковъ замѣчаетъ, что издаваемыя имъ «повѣствованія» разсказываются «въ каждой харчевнѣ», и что «сіи сказки русскія» онъ издаетъ «съ намѣреніемъ сохранить сего рода наши древности и поощрить людей, имѣющихъ время, собрать все оныхъ множество»... Но сюда же издатель включаетъ и таковыя сказки, «которыхъ никто еще не слыхивалъ» т. е. имъ сочиненныя...

— *Словарь русскихъ суевѣрій* (М. 1782; второе дополненное изд.: *Абевега русскихъ суевѣрій, идолопоклонническихъ жертвоприношеній, свадебныхъ простонародныхъ обрядовъ, колдовства, шеманства и проч., сочиненная М. Ч.*», М., 1786),—«первая чисто этнографическая попытка своего времени».

— *Пересмѣшникъ, или славянскія сказки* (5 ч., М., 1783—1785; 3-е изд. М., 1789).

Изданія М. Попова:

— *Краткое описаніе древняго славенскаго языческаго баснословія* (1768; втор. изд. въ «Досугахъ или собраніи сочиненій и переводовъ». Спб., 1772.

— *Древности славенскія или Приключенія славенскихъ князей*, 3 ч., (М., 1770—1771; 2-е, 1778; 3-е, М., 1794).

— *Вечерніе часы, или древнія сказки славянъ древлянскихъ* (6 ч., М., 1787—1788).

— *Повѣствователь русскихъ сказокъ*, и *Продолженіе* (2 ч., М., 1787).

— *Россійская Эрата, или выборъ наилучшихъ новѣйшихъ пѣсенъ* (1791 и позднѣйшія изданія).

Болѣе серьезными изданіями были:

— *Собраніе русскихъ народныхъ пѣсенъ съ ихъ голосами, положенныхъ на музыку* Иваномъ Прачемъ (Спб., 1790; второе изд., Спб., 1806; третье, Спб., 1815), гдѣ является «уже серьезная теоретически обдуманная работа надъ русскими пѣснями»,—и упомянутыя выше

— *Древнія россійскія стихотворенія*, собранныя Киршею Даниловымъ, изд. сначала въ 1804 г., позднѣе, съ дополненіями, въ 1818 г.

Изученію древности почти во всѣхъ этихъ трудахъ не придается еще никакого научнаго значенія: собиратели даже не подозрѣваютъ, что затрогиваемая ими область можетъ быть предметомъ какого-либо научнаго интереса. На народную «древность» смотрятъ съ точки зрѣнія чисто литературной, поэтической, какъ на средство простого увеселенія, безъ всякой мысли о какой-либо наукѣ. «Сіе сочиненіе — замѣчаетъ напр. Поповъ о своемъ «Описаніи»—сдѣлано больше для увеселенія читателей, нежели для историческихъ справокъ, и больше для стихотворцевъ, нежели для историковъ»... Другой собиратель, нѣкто Григорій Глинка въ своей «Древней религіи славянъ» (Митава, 1801) простодушно заявляетъ: «Описывая произведенія фантазіи или мечтательности (!), я думаю, что не погрѣшу, если при встрѣчающихся пустотахъ и недостаткахъ въ ея произведеніяхъ буду дополнять собственною подъ древнюю стать фантазіею...»(!!..) Образчикомъ «ученыхъ» изслѣдованій можетъ служить напр. работа Кайсарова: *Versuch einer slavischen Mythologie in alphabetischer Ordnung* (Göttingen, 1804; русское изд.—1807 г.), встрѣченная съ уваженіемъ даже Добровскимъ, лучшимъ тогдашнимъ знатокомъ славянства,—и этимъ характеризуется степень тогдашнихъ научныхъ требованій въ отношеніи къ изученію славянской миѳологической старины, господствовавшихъ даже въ западной наукѣ.... — Пользуемся трудомъ Пыпина, Ист. рус. этногр., I, стр. 64. 73—77. 157 и т. д. Ср. Геттнера, Ист. всеобщ. лит. XVIII в., I, 1863, стр. 374—376. 453—459. О нашихъ старинныхъ сборникахъ народной поэзіи см. Майкова,—Ж. М. Н. Пр., 1880, ноябрь.

Замѣчательнымъ явленіемъ для своего времени была книжка П. Строева: *Краткое обозрѣніе миѳологіи славянъ россійскихъ* (М., 1815; первонач. въ «Соврем. Наблюдателѣ россійской словесности“, 1815 г.). «Обозрѣніе»

отличается чрезвычайно здравымъ взглядомъ на предметъ. Объ источникахъ для изученія слав. миѳологіи авторъ замѣчаетъ: «Мы имѣемъ весьма слабое понятіе о баснословіи славянъ. Немногія извѣстія дошли до насъ чрезъ историковъ иностранныхъ, а собственныя наши лѣтописи почти (подчеркн. авторомъ) ничего не сохранили... Можетъ статься, и были какія нибудь стихотворныя повѣсти, передаваемыя изустно; но гдѣ они? Монахи, единственные наши историки, старались умалчивать о мнѣніяхъ и обрядахъ языческихъ.. Остается только прибѣгнуть къ народнымъ преданіямъ, пѣснямъ и сказкамъ; но можно ли на нихъ положиться и дошли ли они къ намъ въ первомъ ихъ видѣ? Время и перемѣны политическія уже ли на нихъ не дѣйствовали?»... Авторъ рѣзко разграничиваетъ миѳологическія воззрѣнія русскихъ славянъ отъ воззрѣній другихъ славянскихъ племенъ: «Мнѣнія религій сербовъ, поляковъ, моравовъ и другихъ народовъ славянскаго поколѣнія ни мало не принадлежатъ къ миѳологіи славянъ россійскихъ,—такъ какъ и мнѣнія сихъ послѣднихъ отнюдь не должны относиться къ миѳологіи котораго нибудь изъ оныхъ». Таковы западно-славянскіе Свѣтовиды, различные Флинцы, Крадо, Радегасты «и множество другихъ боговъ, какими г. Кайсаровъ наполнилъ свою Миѳологію. Истинная (подчерк. авт.) славяно-русская миѳологія должна ограничиться только семью (подч.) богами, коихъ изображенія поставлены были въ Кіевѣ в. к. Владиміромъ». Это — Перунъ, Волосъ, Дождь-богъ, Стрибогъ, Хорсъ, Семаргла и Мокошъ или Мкошъ. Но едва ли не слѣдуетъ сократить и число семь; «что касается до Хорса, Семарглы и Мокоши, замѣчаетъ изслѣдователь, то кажется, что они были божества совсѣмъ не славянскія, а либо финскія, либо скандинавскія»... Въ концѣ своего строго-критическаго «обозрѣнія», изслѣдователь замѣчаетъ: «Вотъ всѣ или почти всѣ (подч. авт.) извѣстія о славянской миѳологіи... Я говорю всѣ для того, что эти Услады, Купалы, Зиметерлы, Полели, Дашубы, Диды, Лады, Лели и проч. и проч., о коихъ столько до сихъ поръ говорено было,—существовали, кажется, въ одномъ воображеніи повѣствовавшихъ объ нихъ писателей. Они думали, что у славянъ непремѣнно долженствовало быть ни больше ни меньше боговъ, сколько было ихъ у грековъ и римлянъ, и для того старались замѣнить вымышленными, на словопроизводствѣ основанными именами тѣхъ боговъ, о коихъ не находили никакихъ извѣстій»... *Краткое Обозрѣніе*, стр. 9—12. 16—17. 21. 37. 41—42.

Исторія Карамзина, тѣ страницы ея I-го тома, которыя посвящены характеристикѣ древнѣйшей миѳологіи славянъ (по изд. Эйнерлинга, кн. I, Спб.. 1842, стр 48—62) отчасти представляла сводъ господствовавшихъ воззрѣній и мнѣній въ тогдашней наукѣ, отчасти—и это самое важное—являлась попыткой къ критикѣ. Какъ и Страховъ, Карамзинъ весьма значительно сократилъ число боговъ и богинь,—

хотя и оставленных имъ было болѣе чѣмъ достаточно. Вотъ его выводы: Славяне имѣли понятіе о Богѣ «единственномъ и вышнемъ, Коему, по ихъ мнѣнію, горнія небеса, украшенныя свѣтилами лучезарными, служатъ достойнымъ храмомъ, и Который печется только о небесномъ, избравъ другихъ нижнихъ боговъ, чадъ своихъ, управлять землею. Его-то, кажется, именовали они преимущественно *Бѣлымъ Богомъ*, и не строили Ему храмовъ, воображая, что смертные не могутъ имѣть съ нимъ сообщенія и должны относиться въ нуждахъ своихъ къ богамъ второстепеннымъ... Зло въ мірѣ Славяне Балтійскіе приписывали существу особенному, всегдашнему врагу людей,—именовали его *Чернобогомъ*, старались умилостивить его жертвами..; онъ изображался въ видѣ льва... Между богами добрыми славился болѣе прочихъ *Святовидъ*, котораго храмъ былъ въ городѣ Арконѣ, на островѣ Рюгенѣ...» Народъ Рюгенскій поклонялся еще тремъ идоламъ: *Рюгевиту* или Ругевичу, *Поревиту* и *Поренуту*... Главный идолъ въ городѣ Ретрѣ назывался *Радегастъ*. *Сива*, можетъ быть, *Жива*, считалась богинею жизни,—ея храмъ былъ въ Рацебургѣ; въ Далмаціи она называлась Фрихія (Фрея)... Кромѣ названныхъ, божествами славянъ были: *Числобогъ*, «знаменовалъ, кажется, мѣсяцъ», *Ипабогъ*, богъ звѣриной ловли, *Зибогъ* или *Зембогъ*, духъ земли, *Немиза*, богъ вѣтровъ и воздуха,—*Тригласъ*, *Припекала*, можетъ быть, богъ любострастія (въ Юлинѣ), *Геровитъ* или *Яровидъ*, богъ войны (въ Гавельбергѣ и Волгастѣ), *Провъ*, богъ правосудія, *Подага—Погода*, богъ звѣроловства или же ясныхъ дней (въ Вагріи), *Гениль*, покровитель собственности (въ Мерзебургѣ) и т. д. Кромѣ своихъ, туземныхъ, были заимствованные—изъ Скандинавіи (*Воданъ*), изъ Литвы (*Перкунъ*), изъ Греціи и т. д. Говоря о божествахъ русскихъ славянъ, Карамзинъ первое мѣсто ними отводитъ *Перуну*, «богу молніи, верховному міроправителю»,—за нимъ упоминаетъ о *Хорсѣ*, *Дажьбогѣ*, *Стрибогѣ*, *Самарглѣ*, *Мокошѣ*, *Волосѣ*, *Ладѣ*, богѣ любви и веселья; въ разрядъ боговъ русскихъ славянъ Карамзинымъ зачисляются также *Купало*, богъ земныхъ плодовъ, и *Коляда*, богъ торжества и мира; наконецъ, упоминаются *лѣшіе*, *русалки*, *домовые*, *кикиморы*...—Не смотря на попытку къ критикѣ, трудъ Карамзина, какъ видимъ, оставляетъ для нея еще слишкомъ много мѣста. И Карамзинъ и его предшественники (а отчасти и болѣе поздніе изслѣдователи, напр. Раковецкій, Нарушевичъ)—«заботились лишь о «богахъ» и «богиняхъ», трудолюбиво собирали ихъ имена, подкладывали подъ нихъ готовыя нравственныя или физическія толкованія и ни мало не стѣснялись тѣмъ, что эти безжизненные образы идутъ въ разрѣзъ съ живою историческою дѣйствительностью»... Весь результатъ этихъ попытокъ—какъ видимъ это на Карамзинѣ—не пошелъ далѣе устраненія изъ миѳологической славянской древности нѣкоторыхъ именъ мнимыхъ божествъ, изобрѣтенныхъ фантазіей старинныхъ миѳографовъ XVII—XVIII вв. Нужно было бо́льшее знакомство съ самымъ этнографическимъ матеріаломъ, болѣе внимательное изученіе этого матеріала на мѣстѣ, въ живыхъ преданіяхъ и воззрѣніяхъ народа, въ живыхъ сохранившихся памятникахъ его поэзіи.—Первые труды въ этомъ отношеніи принадлежали Сахарову, Терещенку и Снегиреву.

Труды И. П. Сахарова—(1807—1863) и А. В. Терещенка—(1806—1865) показываютъ, какъ своеобразно, совсѣмъ ненаучно, понимались на первыхъ порахъ самые пріемы собиранія и изученія этнографическаго матеріала,—и вмѣстѣ, какими скорыми шагами шло у насъ это изученіе. Послѣднее особенно видно на личности Сахарова: имя его, быстро пріобрѣтя въ наукѣ популярность и авторитетъ, еще быстрѣе потеряло и то и другое, при дальнѣйшей разработкѣ затронутой имъ спеціальности. Изданія Сахарова начали появляться съ 30 гг., быстро слѣдуя одно за другимъ (Сказанія русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ, ч. I, Спб., 1836; изд. втор.—1837; ч. II, Спб., 1837; ч. III, Спб., 1837.—Путешествія русскихъ людей въ чужія земли; ч. I—II, Спб., 1837.—Пѣсни русскаго народа, ч. I—II, Спб., 1838, ч. III—V, Спб., 1839); въ 1841 г. вышло новое изданіе: *Сказанія русскаго народа. Т. I. Спб., 1841*, куда вошли отчасти прежнія изданія, отчасти новое содержаніе. Томъ распадался на четыре книги: 1. Русская народная литература. — Очерки семейной русской жизни.—Русскія народныя пѣсни.—Памятники древней русской литературы. Здѣсь же, въ предисловіи къ первому тому, излагался планъ дальнѣйшихъ, намѣченныхъ издателемъ, работъ; планъ не могъ не поразить своей обширностью. По плану, второй томъ (кн. 5—8) должны были составить: Старые словари русскаго языка.—Русскія народныя свадьбы.—Русская народная годовщина.—Путешествія русскихъ людей.—Томъ третій (кн. 9—12): Русская народная демонологія.—Словари русскихъ областныхъ нарѣчій.—Русскія нар. охоты.—Сказанія о русскомъ народномъ врачеваніи.—Томъ четвертый (кн. 13 -16): Русская нар. символика.—Лѣтопись русской библіографіи.—Русскія нар. повѣрья и примѣты.—Русскія нар. пословицы. Томъ пятый (кн. 17—20): Лѣтопись древнихъ искуствъ и художествъ.—Лѣтопись славяно-русскихъ типографій.—Лѣтопись русской литературы.—Русскія нар. сказки. Томъ шестой (кн. 21—24): Записки русскихъ людей.—Обозрѣніе русскихъ гербовъ и печатей.—Русскія народныя одежды.—Томъ седьмой (кн. 25—30): Родословная книга русскихъ дворянскихъ родовъ.—Лѣтопись русской нумизматики.—Образцы великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ нарѣчій.—Славяно-русская миѳологія.—Русскіе разрядные списки.—Приложенія и указатели.—Въ 1849 г. вышелъ II т. *Сказаній* (кн. 5—8), куда вошли: старые словари рус. языка (Лексиконъ Памвы Берынды, Литовско-русскій словарь Л. Зизанія, Азбуковникъ XVII в., Новгородскій словарь XV в.); Русскія нар. свадьбы (Русскія древнія свадьбы, свадьбы частныхъ людей въ XVII., Русскія свадебныя чиноположенія); Русская народная годовщина (нар. дневникъ, нар. праздники и обычаи); Путешествія русскихъ людей (игум. Даніила, Стефана новгородца, Іеродіакона Зосимы, діакона Арсенія Селунскаго, дьяка Александра, инока Симеона Суздальскаго, легенда о путешествіи игуменіи Евфросиніи, дьякона Игнатія, Василія Гагары, Ѳеодора Байкова, Трифона Коробейникова и

Юрія Грекова, инока Іоны, Аѳанасія Никитина, Ивана Петрова и Буркаша Елычева, Арсенія Суханова). Изданія Сахарова, особенно въ виду столь широкаго плана дальнѣйшихъ изданій,—были приняты тогдашнею критикою съ восторгомъ. По словамъ Бѣлинскаго, и читатели и критика «были изумлены огромностью труда». Въ своемъ отзывѣ о I-мъ томѣ «Сказаній» Бѣлинскій называетъ эту книгу «сокровищницей положительныхъ свѣдѣній о разныхъ фазахъ прежней русской жизни.» Это была дѣйствительно «цѣлая энциклопедія для изученія народности и старины,—до того времени еще никѣмъ не начертанная въ такихъ широкихъ рамкахъ». Важной заслугой было и то общее возбужденіе, которое производила книга на читателей; «Сказанія» вызывали особенный интересъ къ изученію народной жизни, ея поэзіи, ея быта, всѣхъ остатковъ родной старины,—и въ этомъ отношеніи какъ нельзя лучше отвѣчали инстинктивнымъ, давно назрѣвшимъ, потребностямъ общества: «стремленіе изучать народъ было въ воздухѣ»... «Кто жилъ въ то время, не чуждаясь литературы—вспоминаетъ Срезневскій—тотъ знаетъ, какъ сильно было впечатлѣніе, произведенное книгами Сахарова, особенно книгами «Сказаній русскаго народа,»—не только между любителями старины и народности, но и вообще въ образованномъ кругу. Никто до тѣхъ поръ не могъ произвести на русское читающее общество такого вліянія въ пользу уваженія къ русской народности, какъ этотъ молодой любитель. Не поразилъ онъ основательною ученостью, не поразилъ и многообразіемъ соображеній; но множество собранныхъ имъ данныхъ было такъ неожиданно велико и по бóльшей части для многихъ такъ ново́, такъ кстати въ то время, когда въ русской литературѣ впервые заговорили о народности, и при томъ же увлеченіе ихъ собирателя, высказавшееся во вводныхъ статьяхъ, было такъ искренно и рѣшительно, что остаться въ числѣ равнодушныхъ было трудно»... (Воспоминаніе объ И. П. Сахаровѣ, Срезневскаго,—Уч. Зап. Ак. Наукъ, 1864, кн. 2, стр. 239—244). Эти первыя впечатлѣнія, столь благопріятныя для издателя, однако очень скоро прошли. При первомъ впечатлѣніи особенно важными и цѣнными казались тѣ пріемы, по видимому, строго научные, которыхъ, судя по его словамъ, издатель держался при собираніи и изданіи памятниковъ народнаго творчества,—и за отсутствіе которыхъ издатель съ такой безпощадностью нападалъ на своихъ предшественниковъ XVIII в. Эту сторону труда Бѣлинскій ставилъ въ особенную заслугу издателю... Однако очень скоро оказалось, что это было болѣе чѣмъ недоразумѣніе... Послѣдующая критика уже очень скоро убѣдилась что «всевозможная точность и вѣрность» издателя, на которую указывалъ Бѣлинскій,—была весьма относительной. Оказалось, что Сахаровъ, суровый обличитель искаженія пѣсенъ, самъ ни мало не стѣсняясь подправлялъ ихъ,—искажалъ размѣръ пѣсенъ, подгоняя подъ риѳму, измѣнялъ слова, вставлялъ цѣлые стихи. И такія искаженія попадались «на каждомъ шагу»... Ранѣе другихъ эти разоблаченія сдѣланы были А. Григорьевымъ (въ Москви-

тянинѣ, 1854, № 15, критика, стр. 93—142, по поводу сборника русскихъ нар. пѣсенъ Стаховича); позднѣе искаженія и поддѣлки, сдѣланныя Сахаровымъ, со всей очевидностью были указаны Безсоновымъ, при изданіи «Пѣсенъ собр. Кирѣевскимъ» (см. напр. вып. 8, М., 1870, стр. 28, 67, 68, 83 и т. д. и т. д.). Въ такомъ свѣтѣ предстали предъ научной критикой издательскіе пріемы Сахарова. Что касается до его теоретическихъ соображеній, попытокъ къ научнымъ объясненіямъ и толкованіямъ, то эта сторона его трудовъ и въ самомъ началѣ не представлялась въ ложномъ свѣтѣ. Такихъ людей, какъ Срезневскій, издатель и въ самомъ началѣ «не поразилъ ни основательною ученостью, ни многообразіемъ соображеній»... Для такихъ людей тогда же видны были многія ненаучныя странности изданія,—напр. безпорядокъ расположенія, хаотичность начертаннаго плана, гдѣ подъ «сказанія» народа подводились многія такія произведенія литературы, которыя «ни въ какомъ смыслѣ не подходили подъ это понятіе»...—Нѣтъ нужды замѣчать, что недостатки изданій Сахарова были вообще недостатками того времени, тогдашняго состоянія науки, и не только нашей, но отчасти и западной. «Наклонность къ поддѣлкѣ повторяется и у другихъ собирателей той эпохи. Одно подлинно народное неудовлетворяло; при ограниченности размѣровъ перваго собиранія, его и мало еще знали, между тѣмъ хотѣлось видѣть это народное болѣе полнымъ и совершеннымъ... Надо прибавить, что иногда поддѣльщики, вѣроятно, и не сознавали фальшивости своихъ дѣйствій: народное казалось еще литературнымъ матеріаломъ, который можетъ быть исправленъ и усовершенствованъ.... Стремленіе изучать народъ было въ воздухѣ; но матеріалъ, пріемы изученія были выяснены такъ мало, что часто приходилось идти ощупью, и на угадъ»... (Пыпинъ, Ист. рус. этнографіи, I, 313).

Менѣе цѣннымъ, — и какъ матеріалъ и съ теоретической, научной стороны,—былъ сборникъ Терещенка: *Быть русскаго народа, 7 частей, Спб., 1848.* (Вотъ содержаніе этого сборника: Часть I: Народность. Жилища. Домоводство. Нарядъ. Образъ жизни. Музыка. Часть II: Свадьбы. Часть III: Времясчисленіе. Крещеніе. Похороны. Поминки. Дмитріевская суббота. Часть IV: Игры. Хороводы. Часть V: Простонародные обряды,—первое марта; встрѣча весны; красная горка; радуница; запашка; кукушка; купало; ярило; обжинки; бабье лѣто; братчины. Часть VI: Обрядные праздники. Недѣля Ваій. Пасха. Русальная недѣля. Семикъ. Троицынъ день. Первое апрѣля. Первое мая. Часть VII: Святки. Масляница). Собирателемъ былъ чиновникъ, лишенный всякой серьезной подготовки; книга была составлена съ большимъ усердіемъ, но не только безъ всякихъ научныхъ требованій,—иногда даже не совсѣмъ грамотно. Матеріалъ, на первыхъ порахъ своей новизной привлекшій было къ себѣ вниманіе ученыхъ, очень скоро оказался собраннымъ крайне не научно, безъ всякой критики.—Заслугой сборника Терещенко, хотя чисто внѣшней, было появленіе, вызванное имъ, обширной статьи Кавелина (Современникъ, 1848, IX, 1—49; X, 85—139. «Собр. соч.» IV, 3—201), написанной въ видѣ рецензіи на книгу Терещенко и представ-

лявшей собою первую попытку у насъ строгаго, чисто научнаго изученія собиравшагося и отчасти уже собраннаго этнографическаго матеріала. Кавелинъ здѣсь впервые научнымъ образомъ освѣтилъ историческое значеніе русскаго народнаго быта,—и впервые высказалъ взглядъ на общій характеръ произведеній народнаго творчества, вполнѣ принятый современной наукой. «Наши простонародные обряды, примѣты и обычаи, въ томъ видѣ, какъ мы ихъ теперь знаемъ—писалъ Кавелинъ—очевидно сложились изъ разнородныхъ элементовъ и впродолженіе многихъ вѣковъ. Все, что имѣло на Россію болѣе или менѣе продолжительное вліяніе извнѣ, всѣ эпохи ея внутренняго историческаго возрастанія проводили какую нибудь черту въ обрядахъ и обычаяхъ, прибавляя къ нимъ новое, измѣняя, уничтожая или переиначивая старое. Вслѣдствіе этой безпрестанной, хотя и медленной, перестройки, наши обычаи и обряды представляютъ самый нестройный хаосъ, самое пестрое, повидимому, безсвязное, сочетаніе разнороднѣйшихъ началъ. Развалины эпохъ, отдѣленныхъ вѣками, памятники понятій и вѣрованій самыхъ разнородныхъ и противоположныхъ другъ другу въ нихъ какъ бы набросаны въ одну груду въ величайшемъ безпорядкѣ. Подвести ихъ подъ систему, объяснить изъ одного общаго начала невозможно, потому что они составились не по одному общему плану, не суть порожденіе единой творческой мысли. Чтобы внести сколько нибудь свѣта въ эту массу отрывочныхъ, отчасти искаженныхъ и обезсмысленныхъ фактовъ, остается одно средство: разобрать ихъ по эпохамъ, къ которымъ они относятся; по элементамъ, подъ вліяніемъ которыхъ они образовались, и потомъ, съ помощью способовъ, на которые указываетъ историческая критика, возстановить, сколько возможно, внутреннюю связь этихъ эпохъ и послѣдовательность преемственнаго вліянія этихъ элементовъ. По примѣру геологіи, критики должна найти ключъ къ этимъ ископаемымъ исчезнувшаго историческаго міра»... Ключъ этотъ отыскать трудно, но все же возможно. По мнѣнію автора,—«въ основаніи всѣхъ первобытныхъ вѣрованій, обычаевъ, торжественныхъ, обрядовыхъ дѣйствій и словъ непремѣнно лежитъ естественный или бытовой фактъ,—въ младенчествѣ и человѣкъ и народъ возводятъ на степень непреложныхъ истинъ не аксіомы духовнаго нравственнаго міра, а явленія и дѣйствія внѣшнія, непосредственныя, подлежащія чувствамъ. Такъ и славяне-язычники. Ихъ древнее богослуженіе, ихъ религіозныя вѣрованія указываютъ на обожаніе природы, ея силъ, явленій, и тѣхъ взаимныхъ отношеній между людьми, которыхъ древній славянинъ не умѣлъ устроить и опредѣлить правильнымъ, разумнымъ образомъ, и потому предоставлялъ на произволъ случая. Къ этимъ двумъ категоріямъ сводится весь славянскій Олимпъ, такой же грубый, непосредственный, и неправильный, какъ среда, въ которой онъ образовался... Приходятъ ли, по нашимъ свадебнымъ обрядамъ, сваты съ посохомъ и ведутъ рѣчь съ родителями невѣсты какъ будто чужіе, никогда не слыхавшіе о нихъ—хотя и живутъ дворъ объ дворъ—вѣрьте, что эти теперь символическія дѣйствія

были когда то, въ отдаленной древности, событіями, живыми фактами ежедневной жизни. Плачетъ ли невѣста по волѣ, выражаетъ ли свадебная пѣснь ея неохоту, страхъ ѣхать въ чужую, незнакомую сторону—эти символы были тоже въ старину живой дѣйствительностью и въ этомъ значеніи являются однимъ изъ самыхъ богатыхъ историческимъ источниковъ. Думаетъ ли народъ, что на распутіяхъ водится лихой человѣкъ—вѣрно когда нибудь это было въ самомъ дѣлѣ такъ. Какая драгоцѣнная черта для древнѣйшей общественности! Словомъ, ищите въ основаніи обрядовъ, повѣрій, обычаевъ—былей, когда-то живыхъ фактовъ, ежедневныхъ, нормальныхъ, естественныхъ условій быта, и вы откроете цѣлый историческій міръ, котораго тщетно будемъ искать въ лѣтописяхъ, даже въ самыхъ преданіяхъ, ибо народъ иногда и не помнитъ, какъ онъ жилъ въ отдаленной старинѣ, и не понимаетъ слѣдовъ этой жизни въ настоящемъ»..—Мы съ намѣреніемъ остановились съ нѣкоторой подробностью на замѣчательной статьѣ Кавелина: высказанный въ ней взглядъ не имѣлъ, къ сожалѣнію, дальнѣйшихъ примѣненій при изученіи нашихъ народныхъ вѣрованій, обрядовъ, повѣрій. Лишь въ самое послѣднее время въ этомъ направленіи явились работы Кулишера и Сумцова...

Гораздо выше изданій Сахарова и Терещенка стояла книга Снегирева: *Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды (М., 1838—1838—1839, 4 части)*, предпринятая по мысли м. Евгенія Болховитинова. Книга Снегирева была первымъ замѣчательнымъ трудомъ по предмету русской миѳологической древности, обнаруживавшимъ въ своемъ авторѣ взгляды болѣе строгіе, научные. Книга начинается обширнымъ введеніемъ, посвященнымъ подробному очерку славяно-русской миѳологіи, въ связи съ миѳическими представленіями другихъ европейскихъ и восточныхъ народовъ. Авторъ такъ выражаетъ основной взглядъ на свой предметъ: «Однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ, говоритъ онъ, къ сближенію людей и народовъ, однимъ изъ обильнѣйшихъ источниковъ къ познанію внѣшней и внутренней жизни каждаго народа служатъ его праздники, съ относящимися сюда суевѣрными обрядами, хороводами, пѣснями и играми. Вмѣстѣ съ первыми вѣрованіями возникши въ колыбели человѣчества, по откровенію самой природы, при образованіи перваго общества,— они выражаютъ въ себѣ древній бытъ народа, климатъ той страны, гдѣ онъ жилъ, его понятія объ астрономіи, естествовѣдѣніи, нравственности,—его вѣрованіе, исторію, поэзію.. Большая часть праздниковъ народныхъ—продолжаетъ онъ—родилась въ древнемъ язычествѣ... Имѣя тѣсную связь съ внѣшней природой и съ внутренней жизнью народа, праздники ведутъ свое начало отъ его глубокой древности, входятъ въ составъ его исторіи, живописуютъ его духъ и характеръ, намекаютъ на коренной бытъ и на основныя его идеи. Учрежденные по естественнымъ эпохамъ года, они объясняются и освящаются миѳами народными, кои содержатъ въ себѣ повѣрія о божествѣ, человѣчествѣ и природѣ». Народные праздники авторъ дѣлитъ

на «отечественные и заимствованные отъ чуждыхъ племенъ, съ коими сближались славяне въ предъ-историческія и историческія времена».; чтобы указать самостоятельные и заимствованные элементы въ русскихъ нар. преданіяхъ, обрядахъ, праздникахъ,—авторъ дѣлаетъ сравнительное обозрѣніе славяно-русской миѳологіи въ связи съ миѳологіями другихъ народовъ, стараясь указать въ первой сходныя, родственныя или прямо заимствованныя черты. Авторъ понимаетъ свой предметъ весьма широко. Онъ указываетъ сходныя черты у славянъ съ народами востока,—особенно индійцами, говоритъ о перенесеніи къ славянамъ греческихъ повѣрій, обычаевъ и рѣченій, отмѣчаетъ такой же переходъ къ намъ разныхъ повѣрій и обычаевъ отъ римлянъ, говоритъ о сходствѣ славянской миѳологіи, обрядовъ, народныхъ праздниковъ »во многихъ чертахъ» съ миѳологіею и обрядами скандинавскими, говоритъ о близости слав. миѳологіи съ литовскою, нѣмецкою, о заимствованіи у финновъ и т. д. Изысканія дѣлаются весьма подробныя; нѣкоторыя части изслѣдованія являются какъ бы самостоятельными монографіями. Но научнаго во всѣхъ этихъ сближеніяхъ, особенно съ современной точки зрѣнія, весьма немного. Произвольность сопоставленій, личный вкусъ автора играютъ главную роль въ изслѣдованіяхъ, — особенно напр. гдѣ авторъ говоритъ о родствѣ славянской миѳологіи съ миѳологіями индійцевъ, грековъ, римлянъ и пр. Сближенія ограничиваются по большей части самыми общими, неопредѣленными чертами, подчасъ вовсе не имѣютъ къ тому никакого основанія; иногда же являются прямо наивными... По мнѣнію нашего миѳолога, «въ богоученіи восточныхъ индійцевъ встрѣчается славянскій Перунъ»... «Кто не узнаетъ—замѣчаетъ онъ—въ индійскомъ Копалѣ, покаянникѣ, нашего Купалу?... Самая обитель усопшихъ предковъ, темное мѣсто, Индра—у индійцевъ называется *ямою* (*Vama*), священныя игры 1апрѣля —*гулями* (houli, huli, holaca), гулючками?»... Въ доказательство тѣсной близости нашей миѳологіи съ греческою, авторъ замѣчаетъ между прочимъ что «самое слово *игра* однородно съ греческимъ ὑγρά», а слово *хороводъ*— «еллинскаго происхожденія, отъ χορός—хоръ, ликъ поющихъ и пляшущихъ, и ἄγω веду»... Вліяніе скандинавской миѳологіи на нашу авторъ видитъ въ томъ, что *Vali—âss* слился съ *Волосомъ*, сканд. *Белъ* перешелъ въ *Бѣлбога*, а «*Одинъ* или *Водинъ*, вѣроятно, преобразился въ *Водяного*».. Говоря о сходствѣ различныхъ народныхъ преданій, обрядовъ,—авторъ видитъ причину этого сходства чаще всего въ механическихъ заимствованіяхъ одного народа у другого.. Такъ, по поводу взаимныхъ отношеній нѣмецкой миѳологіи къ славянской, изслѣдователь замѣчаетъ: «Нѣмцы и славяне, бывшіе въ близкихъ между собою отношеніяхъ по своей мѣстности и политическому вліянію, представляютъ разительное сходство во многихъ повѣрьяхъ, обрядахъ, обычаяхъ и словахъ, такъ что трудно рѣшить, кто отъ кого прежде заимствовался; но, вѣроятнѣе, первые отъ послѣднихъ»... Впрочемъ, по мѣстамъ, авторъ выражаетъ и другіе взгляды; такъ, дѣлая общіе выводы о значеніи народныхъ праздниковъ, онъ говоритъ: »Отечественныя божества

народа соотвѣтствовали образу его жизни и мѣстности; священные обряды и праздники—его вѣрованіямъ и миѳамъ. Какъ въ отношеніи одного вѣрованія къ другому открывается отношеніе между народами единоплеменными и соплеменными: то и въ праздникахъ и обрядахъ у славянъ, разсѣянныхъ по Европѣ подъ разными именами, проявляется сходство въ главныхъ чертахъ, а различіе въ частныхъ. Такое родовое сходство въ характеристическихъ чертахъ, основываясь, по большей части, на единствѣ происхожденія и духѣ сихъ племенъ, составляетъ личность народную. Но какъ есть коренныя понятія въ человѣчествѣ, кои развиваются въ свойственныхъ имъ формахъ,—то у всѣхъ почти извѣстныхъ народовъ встрѣчаются общія вѣрованія и происшедшіе изъ нихъ обряды, сходные по сущности и различные по внѣшности; ибо онѣ, уклоняясь отъ своего истока и протекая сквозь міръ и человѣчество, заимствуютъ отъ мѣстности, климата и духа народовъ различные образы. Какъ сѣмена растеній разносятся часто вѣтромъ на чуждую имъ почву, такъ и повѣрья путемъ преданій переходятъ изъ одной страны въ другую, и тамъ перерождаясь принимаютъ особенные виды и цвѣты» (I, стр. 231—232). Кромѣ миѳологическаго, изслѣдователь указываетъ въ древнихъ народныхъ праздникахъ и обрядахъ и другой элементъ, гораздо болѣе поздній: «Не всѣ народные праздники и повѣрья,—замѣчаетъ онъ,—родились въ эпоху языческую славяно-руссовъ; нѣкоторые изъ нихъ, особливо относящіеся къ житейскимъ потребностямъ, образовались въ первые вѣка русскаго христіанства и подчинялись идеѣ онаго, когда еще оно имѣло черезполосное владѣніе съ древнимъ закоренѣлымъ вѣрованіемъ, шло съ нимъ рука объ руку, и когда еще первое не могло сдѣлаться повсемѣстнымъ; остатки послѣдняго истреблялись постепенно въ городахъ, но еще удерживались въ селахъ и погостахъ, какъ завѣтные, отеческіе обычаи, освященные правомъ незапамятной давности. Въ эту эпоху языческіе обряды и народные обычаи нерѣдко примѣшивались къ христіанскимъ, коль скоро не противорѣчили онымъ въ нѣкоторыхъ частяхъ» (стр. 237). Отъ миѳологическихъ представленій различныхъ народовъ, авторъ переходитъ къ главному своему предмету,—русскимъ народнымъ праздникамъ. Дѣлая предварительно краткій обзоръ ихъ, онъ останавливается на связанныхъ съ ними народныхъ обрядовыхъ *пѣсняхъ*, справедливо видя въ послѣднихъ «отклики древняго времени, повторяемые въ настоящемъ». Характеръ этихъ дошедшихъ до насъ обрядовыхъ пѣсенъ, впрочемъ, довольно различенъ: «Однѣ изъ старыхъ русскихъ пѣсенъ носятъ на себѣ миѳическій цвѣтъ; другія, намекающія на древніе богослужебные обряды и жертвоприношенія, принадлежатъ къ обрядовымъ пѣснямъ, къ коимъ относятся причитанія и приговоры пѣсенные. Въ остаткахъ немногихъ миѳическихъ пѣсенъ и припѣвовъ упоминаются древнія божества и рѣки, въ честь коихъ онѣ были пѣты, напр. Ладо, Дидиладо, Купало, Туръ, Ярило, Таусень или Авсень, Дунай, Донъ. Нерѣдко въ нихъ смѣшиваются языческія вѣрованія съ христіанскими понятіями» (I, стр. 219). По отношенiи къ народн. праздникамъ, авторъ эти пѣсни дѣлитъ на свя-

ния, колядскія, весеннія, семицкія и пр.—Авторъ довольно вѣрно опреяетъ причины долгаго сохраненія въ народѣ прежнихъ языческихъ здниковъ и обрядовъ: «Хотя при постепенномъ переходѣ, говоритъ онъ, :кихъ славянъ отъ отечественнаго язычества къ христіанству, живыя нѣ(а вѣрованія и суевѣрные обряды время отъ времени истреблялись, или ѣняемы были другими, вновь введенными обычаями; однако они, какъ з а- г н ы я с т и х і и д р е в н е й н а р о д н о с т и, обращались въ игру жизи подъ видомъ п р и в ы ч н ы х ъ и с р о ч н ы х ъ п о т ѣ х ъ и у в е с е- і і й, сквозь ряды вѣковъ и переворотовъ, достигли нашихъ временъ, ускались—скажемъ словами Петра Великаго—для народнаго полированія. столюдины, живущіе болѣе по отческимъ преданіямъ и неперемѣняющіе го древняго быта, не хотѣли и не могли разстаться съ оными и замѣь старые обычаи другими новыми, имъ чуждыми. Они тѣмъ болѣе стаясь удержать древнія отечественныя празднества, что онѣ соединены и съ различными играми и увеселеніями, что онѣ составляли стихіи жизни общественной и семейной» (I, стр. 233). Авторъ приступаетъ ımъ къ описанію зимнихъ простонародныхъ праздниковъ — святокъ, ня и масляницы. Описаніе святочныхъ обрядовъ начинается указаıъ подобныхъ же обрядовъ у другихъ народовъ: «Въ египетскомъ, ійскомъ, греческомъ и римскомъ мірѣ — замѣчаетъ авторъ — исторія)ываетъ слѣды подобнаго славяно-русскому празднества, которое ояло въ маскированіи, переряживаніи и гаданіи» (II, 3—4). По взгляду)ра, русскіе древніе святки соотвѣтствовали египетскому празднику)иса, индійскому Перунъ-Понголѣ, римскому natalitia invicti solis, ıо-саксонскому Moedrenecht. Описавши святочные обряды въ Скандии, Англіи, Германіи,—нашъ миѳологъ переходитъ наконецъ къ рус: «колядѣ». Слово *коляда* онъ считаетъ не названіемъ какого нибудь іянск. бога, — какъ это дѣлали напр. Димитрій Ростовскій, Гизель, ;нѣе Карамзинъ,—а только названіемъ праздника. Святочные праздı проходятъ главнымъ образомъ въ переряживаніи, гаданьи, загадкахъ. :ирезъ представляетъ довольно подробное описаніе каждаго изъ этихъ ıтій. Говоря о переряживаніи, авторъ останавливается между прочимъ на :нихъ словахъ «с к у р а т ы», «л у д ы», «м о с к о л у д с т в о», «о к р у- ı ь е», — стараясь опредѣлить ихъ значеніе; такъ сл. «скураты» онъ ıзводитъ «отъ лат. сл. *scurra*, шутъ, или отъ старин. русскаго *скора*, ›жавшагося нынѣ въ сл. *скорнякъ*, тоже что шкура, лат. *corium*, чешск. *kura*»... ıинаетъ также о новгородскихъ «окрутникахъ». приводя о нихъ исторический указанія изъ разныхъ памятниковъ. Переходя къ гаданьямъ, ав› замѣчаетъ: «Въ язычествѣ гаданье составляло о д н у и з ъ г л а в- к ъ с т и х і й б о г о с л у ж е н і я, а при переходѣ отъ язычества къ :тіанству, оно преслѣдуемо было, какъ суевѣріе, подъ именемъ *ворожбы*; :ристіанскомъ же мірѣ удержалось подъ видомъ народной забавы, пра› давности и силою привычки»... Сл. *гаданіе*, по мнѣнію его, «сродно ıроизводству и знаменованію съ еврейск. сл. gad, или Ταιμόνιον—богиня

счастія»...; а «самое дѣйствіе, т. е. гаданіе, divinatio, есть служеніе Гадѣ, богинѣ счастія, отъ коей узнавали свой жребій посредствомъ различныхъ знаменій при жертвоприношеніи»... Говоря о загадкахъ, Снегиревъ замѣчаетъ, что «загадки различаются по мѣстности, которая вкупѣ съ временемъ кладетъ на нихъ свою печать».. Снегиревъ вѣрно опредѣляетъ общее значеніе святочныхъ игръ и ихъ историческое развитіе: «Какъ всѣ народные праздники въ началѣ своемъ были религіозные и болѣе или менѣе сходные между собою, кромѣ мѣстныхъ различій, замѣчаетъ онъ: такъ и коляда и святки, извѣстные почти во всемъ славянскомъ мірѣ, даже по формѣ своей заключаютъ въ себѣ не одну игру фантазіи младенчествующаго народа, но и миеическое значеніе, заимствованное изъ языческаго міра. Протекши разныя эпохи русскаго народа, этотъ праздникъ удержался въ преданіяхъ, получилъ отъ народн. жизни и характера новое развитіе и новое названіе. Какъ на материкѣ земли время накладываетъ разные новые слои: такъ и къ народности прививаются чуждыя повѣрья и обычаи, соотвѣтственно современнымъ понятіямъ»... Изслѣдователь хотя и отдѣляетъ *авсень* отъ коляды, но кромѣ различныхъ названій этого праздника (*овсень*, *авсень*, *таусень* и т. п.) почти ничего не приводитъ и самъ соглашается, что «по существу своему овсень сходенъ съ колядою» (стр. 108—109). Отъ святокъ и авсеня, авторъ переходитъ къ масляницѣ (стр. 115—137). Послѣ нѣсколькихъ общихъ замѣчаній о связи русской масляницы съ подобными же народн. праздниками на западѣ, авторъ говоритъ о главнѣйшихъ принадлежностяхъ нашего праздника—блинахъ, катаньѣ на саняхъ, наряжаньяхъ, кулачныхъ бояхъ и т. п.; затѣмъ описываетъ нѣкоторыя особенности въ празднованіи масляницы въ разныхъ краяхъ Россіи. «Въ этомъ пестромъ праздникѣ народномъ, оканчивающемъ зиму,— говоритъ онъ въ заключеніе своего описанія—ясно открывается смѣсь стихій древняго языческаго обряда съ христіанскимъ обычаемъ, отечественнаго съ чужестраннымъ, стариннаго съ новымъ: олицетвореніе и сожженіе масляницы, соломенный мужикъ, мѣстное воспоминаніе о колядѣ, скоморошескія игры, заморскія и народныя, относятся къ остаткамъ міра языческаго, а прощаніе другъ съ другомъ и съ усопшими заимствовано изъ миролюбиваго христіанства».... Третій выпускъ труда Снегирева посвященъ описанію слѣдующихъ «праздниковъ»: Встрѣчи весны, красной горки, радуницы, перваго апрѣля, свистопляски, юрьева дня весенняго, перваго мая, праздника кукушекъ, семика, троицына дня. Впрочемъ, бо́льшая половина перечисленныхъ праздниковъ русскому народу, кажется, совершенно не извѣстны; обряды, которые изслѣдователь приурочиваетъ къ этимъ «праздникамъ», крайне ничтожны и безсодержательны,—врядъ-ли въ нихъ можетъ скрываться какой либо обрядъ древняго празднества... Отдѣльныя мѣста книги, впрочемъ, и здѣсь любопытны; приводимъ нѣсколько замѣчаній изслѣдователя о красной горкѣ, семикѣ и троицынѣ днѣ. «Искони, говоритъ авторъ, горы, какъ колыбели человѣчества, родина и обитель боговъ и естественные предѣлы вла-

денія (ὄροι—горы, ὅροι—предѣлы), почитались священными и служили требищами для языческихъ племенъ древняго міра... Кромѣ другихъ народовъ,—у нѣмцевъ, славянъ, литовцевъ горы, горки, горицы, крутицы были мѣстами богослуженія и молобищъ, гдѣ стояли у нихъ истуканы, приносились жертвы, погребались умершіе, горѣли огни, необходимые для пировъ жертвенныхъ, совершались разные обряды и игры... Объ этомъ свидѣтельствуютъ самыя названія многихъ горъ въ Германіи, Польшѣ, Литвѣ и Россіи, гдѣ замѣчается особенное въ древности горопоклоненіе... Холмы и горы замѣняли, кажется, для русскихъ славянъ капища и требища. Таковы должны быть горы святыя, поклонныя, лысыя, красныя, русыя, чермныя, червонныя, черныя, гремячія»... Останавливаясь на значеніи въ русскомъ яз. самаго слова *красный*, авторъ замѣчаетъ, что это слово въ народн. говорѣ означаетъ между прочимъ: «хорошій,» «цвѣтущій...»; «по такому соображенію, прибавляетъ онъ, красная горка значитъ красивая по мѣстоположенію и увеселительная по играмъ...» Авторъ переходитъ далѣе къ подробному описанію различныхъ хороводныхъ игръ, которыя начинаются съ красной горки. Описаніе этихъ игръ — одно изъ лучшихъ и интересныхъ мѣстъ въ книгѣ. Авторъ подробно и съ видимою любовью описываетъ игры весенняго времени: *Сѣяніе проса*, *Плетень*, *Донъ Ивановичъ* и др.—Однимъ изъ самыхъ любимыхъ русскихъ простонародныхъ праздниковъ является семикъ. Авторъ довольно подробно останавливается на различныхъ обрядахъ, соединенныхъ съ этимъ праздникомъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, присоединяя къ своему описанію особыя семицкія пѣсни; въ семикѣ изслѣдователь также видитъ смѣшеніе двухъ различныхъ элементовъ, христіанства и стараго язычества.—Въ тѣсной связи съ праздникомъ семика находится троицынъ день. Между тѣмъ и другимъ много общаго; тѣ же игры и обычаи, то же смѣшеніе христіанскаго элемента съ языческимъ. Указавши на глубокую давность обычая украшать храмы и дома зеленью, завивать вѣнки, обычая, восходящаго ко временамъ первыхъ евреевъ, авторъ описываетъ различные обряды, которые совершаются въ этотъ праздникъ въ Россіи, приводя при этомъ и народныя пѣсни троицкихъ хороводовъ (стр. 127—153). Послѣдній отдѣлъ труда Снегирева представляетъ въ себѣ слѣдующее содержаніе: «Русалки и русалія, купало и купальница, ярило, петровки, башъ и башиха, земледѣльческіе праздники, семенъ день, осенняя родительская, свадьбы»... Какъ видимъ, на количество «праздниковъ» опять не поскупился авторъ; впрочемъ, это не мѣшаетъ многому, помѣщенному здѣсь, отдѣльнымъ замѣчаніямъ и соображеніямъ изслѣдователя, имѣть свое значеніе; къ тому же у автора нерѣдко и здѣсь встрѣчается весьма цѣнный матеріалъ. Говоря о «русаліяхъ», изслѣдователь приводитъ интересную пѣсню, гдѣ русалка загадываетъ дѣвушкѣ загадки, и когда та не разгадываетъ ихъ, лишаетъ ее жизни... По поводу праздника Иванова дня, авторъ замѣчаетъ: «Одинъ изъ общихъ и торжественныхъ праздниковъ народныхъ, не только въ славяно-русскомъ мірѣ, но и во всей почти

Европѣ, есть Ивановъ день, или Купало, приходящійся около лѣтняго солнцестоянія, и совпадающій съ праздникомъ рождества св. Іоанна Предтечи и Крестителя.» Слово *купало*, по мнѣнію изслѣдователя, происходитъ или отъ сл. *купаніе*, «потому что съ этого времени начинаютъ купаться въ рѣкахъ», или отъ *купы* (copula, kuppelei?), «какую представляетъ Купало съ Купальницей,» или отъ *копанія* кореньевъ и кладовъ; «наконецъ, въ славянскомъ Купалѣ находится внѣшнее сходство съ индійскимъ Купаломъ, покаянникомъ...» Болѣе вѣроятнымъ автору кажется происхожденіе отъ сл. *купанье*, «потому что имѣетъ отношеніе къ празднику и слову *Креститель*».. Въ купальскихъ обычаяхъ главное мѣсто занимаютъ огонь и вода, почему обычаи эти восходятъ до глубокой древности, «гдѣ огонь и вода почитались за начала міра, главнѣйшими стихіями и символами очистительными...» Вѣра въ очистительную силу огня существовала уже у восточныхъ народовъ, существовала у грековъ и римлянъ, была у всѣхъ западныхъ народовъ, а также и у слав. племенъ. Авторъ описываетъ разныя повѣрья и обряды, совершающіеся въ разныхъ концахъ Россіи, особенно въ Малороссіи, на Иванову ночь. Къ своему описанію онъ присоединяетъ нѣсколько купальскихъ пѣсенъ.—Говоря о русскихъ свадебныхъ обычаяхъ, авторъ справедливо замѣчаетъ: «Свадебные обряды весьма разнообразны и многочисленны, такъ что они представляютъ многосложную, разительную и живую картину нравовъ и обычаевъ, повѣрьевъ и обрядовъ, въ коихъ отсвѣчивается мѣстность и духъ народа: большая часть этихъ обрядовъ суть символы и аллегоріи, коихъ смыслъ отчасти потерянъ. Сія драма народная, или лучше сказать, опера-водевиль, во многихъ отношеніяхъ важна и занимательна...» Цѣнной стороной труда Снегирева здѣсь являются также подробныя описанія разныхъ обрядовъ и обычаевъ, соблюдаемыхъ русскимъ народомъ и теперь при свадьбахъ, а также приложенныя сюда въ довольно большомъ количествѣ самыя свадебныя пѣсни.—Изъ сдѣланнаго обозрѣнія можно видѣть и достоинства и недостатки труда Снегирева. Снегиревъ приступаетъ къ своей задачѣ уже съ значительной научной подготовкой; ему извѣстны труды Шлегеля, Баксмута, Отфрида Мюллера, онъ сожалѣетъ, что не можетъ пользоваться только что выходившими тогда изслѣдованіями Гримма, Шафарика. Для автора уже понятна тѣсная связь народнаго обычая съ древнѣйшимъ бытомъ, остаткомъ котораго онъ является; у Снегирева «нѣтъ уже прежняго грубаго произвола миѳологическихъ толкованій; но у него нѣтъ еще и правильныхъ филологическихъ пріемовъ,—онъ все еще черезъ чуръ легко поддается внѣшнимъ сходствамъ и созвучіямъ и строитъ на нихъ миѳологическіе выводы...»

Мы остановились на трудѣ Снегирева, можетъ быть, съ излишней подробностью; но онъ представляетъ особенный интересъ, какъ первый опытъ болѣе серьезнаго изученія... Другимъ, болѣе спеціальнымъ и нѣсколько болѣе раннимъ, трудомъ Снегирева была книга: *Русскіе въ своихъ пословицахъ (4 ч., М., 1831—1834)*. Первый выпускъ посвященъ общему изслѣдованію; три слѣдующихъ представляютъ сборникъ пословицъ, съ коммен-

таріями. Въ общемъ изслѣдованіи авторъ говоритъ о происхожденіи пословицъ, далѣе — о пословицахъ у евреевъ, грековъ, римлянъ, у новыхъ европейскихъ народовъ, у славянскихъ племенъ, наконецъ, объ иностранныхъ источникахъ русскихъ пословицъ и объ отношеніи пословицъ и поговорокъ къ словесности вообще. Помѣщенныя за тѣмъ самыя пословицы расположены по содержанію въ такомъ порядкѣ:

I. Пословицы антропологическія: А) Касающіяся до семейственныхъ и нравственныхъ причинъ различія народовъ. а) Пословицы, относящіяся къ язычеству, вѣрѣ и суевѣрію. b) Нравы и обычаи въ пословицахъ. c) Пословицы нравственныя. d) Политическія и судебныя. О лицахъ правительствующихъ. Б) Законодательство и судопроизводство. а) Законы. б) Преступленія и наказанія. c) Судебные обряды (жребій, отдаваніе головою, правежъ, поле, повальный обыскъ). Обзоръ политическихъ и юридическихъ пословицъ въ отношеніи къ эпохамъ русской исторіи.

II. Пословицы физическія: а) Метеорологическія и астрономическія. b) Агрономическія. c) Медицинскія.

III. Пословицы историческія: а) Хронологическія. б) Топографическія. c) Этнографическія (личныя; пословицы-девизы).—И здѣсь, въ этомъ трудѣ Снегирева, заслуживали вниманіе какъ обширность впервые собраннаго матеріала, такъ и первые попытки къ его изученію. Къ названному труду непосредственно примыкаютъ болѣе позднія изданія Снегирева: *Русскія народныя пословицы и притчи* (М., 1848) и *Новый сборникъ русскихъ пословицъ и притчей, служащій дополненіемъ къ собранію русскихъ народныхъ пословицъ и притчей, изданныхъ въ 1848 г.* (М., 1857).—Весьма важное значеніе не только для своего, но и гораздо болѣе поздняго времени, имѣлъ также трудъ Снегирева: *О лубочныхъ картинкахъ русскаго народа* (М., 1844; второе изд.—М., 1861), вопросомъ о которыхъ авторъ занимался съ давняго времени (первыя статьи Снегирева о лубочныхъ картинкахъ были напечатаны еще въ 20-хъ гг., въ «Отеч. Зап.», въ «Трудахъ Общ. люб. росс. сл.», «Москвитянинѣ» и др.). Позднѣйшій изслѣдователь этого отдѣла нар. поэзіи, Д. А. Ровинскій замѣчаетъ, что статьи Снегирева о народныхъ картинкахъ оказали ему «особенную помощь»; по отзыву Ровинскаго, это— «истинное сокровище» для людей занимающихся этимъ отдѣломъ. Въ этихъ статьяхъ, кромѣ полнаго перечня картинокъ, «заключается еще чрезвычайное множество историческихъ свѣдѣній и обиходныхъ замѣтокъ, которыя могутъ быть собраны и записаны только такимъ практическимъ маститымъ археологомъ-старожиломъ, какимъ считался въ нашей Москвѣ И. М. Снегиревъ»... (Ровинскій, Русскія нар. картинки, Спб., 1881, I, стр. VI—VII).

Не смотря на свою научную слабость, примитивность,—труды Сахарова, Терещенка и Снегирева имѣли въ высокой степени важное значеніе для нашей тогдашней этнографической науки. Эти труды полагали собой первое основаніе для русской этнографіи, для изученія народнаго быта, миѳологіи, всей обширной области устнаго народнаго эпоса. Это были первые шаги науки о русской народности и ея миѳологической старинѣ. Въ

трудахъ названныхъ дѣятелей народная старина, народный бытъ, поэзія, преданія—впервые въ такой массѣ дѣлались извѣстными; народно-поэтическое содержаніе впервые захватывалось изученіемъ въ такомъ широкомъ объемѣ... Къ сожалѣнію, теоретическая мысль нашихъ первыхъ собирателей и изслѣдователей была еще очень слаба; взглядъ на предметъ чаще всего поражалъ отсутствіемъ даже элементарной научности, — пріемы самаго собиранія народно-поэтическаго матеріала были еще не выяснены, и подлинное, безыскусственно-народное, нерѣдко еще уступало мѣсто прикрашенному, поддѣльному... Народныя изученія еще не имѣли подъ собой прочной, реальной почвы, принимали иногда характеръ даже чисто романтическій, фантастическій,—какъ въ изданіяхъ В. В. Пассека (1807—1842), и др. п. (см. напр. *Путевыя Записки Вадима Пассека, М., 1834*), его извѣстные *Очерки Россіи*,—кн. I, Спб., 1838; II—IV. М., 1840; кн. V, М. 1842, и т. п.). «Никакой опредѣленной системы народныхъ изученій не было; теорія была еще на степени инстинкта, догадки, романтической идеализаціи; изученіе было эмпирическое; западная, т. е. нѣмецкая, научная этнографія была неизвѣстна,—и еще только начиналась»... (Пыпинъ, Ист. рус. этногр., III, 168).

Съ конца 40-хъ гг. наши этнографическія изученія принимаютъ несравненно болѣе широкую постановку. Въ концѣ 1834 года учреждается Археографическая коммиссія, немедленно-же начинающая рядъ своихъ капитальныхъ изданій памятниковъ старины и продолжающая свою дѣятельность въ этомъ направленіи до настоящаго времени; длинный рядъ ея многотомныхъ изданій самыхъ важнѣйшихъ памятниковъ древней русской письменности, — лѣтописей, историческихъ и юридическихъ актовъ, грамотъ, памятниковъ древнерусскаго каноническаго права, писемъ русскихъ государей, произведеній литературныхъ и т. д. и т. д., показываетъ наглядно, въ какомъ небываломъ размѣрѣ подверглась теперь научному изученію эта старина. Ок. 1846 года возникаетъ Русское Географическое Общество,—и собиранію этнографическаго матеріала, бытового и поэтическаго, разомъ были приданы необыкновенно широкіе размѣры. «На мѣсто случайныхъ и нерѣдко весьма странно освѣщенныхъ собраній явилась цѣлая масса свѣжихъ данныхъ, собранныхъ въ разныхъ концахъ Россіи,—при чемъ народный бытъ захватывался не только съ небывалой дотолѣ широтой, но, что̀ особенно было важно, съ стремленіемъ при собираніи этнографическаго матеріала къ самой строгой фактической точности, которой такъ недоставало прежнимъ собраніямъ.. Параллельно съ этимъ развивается самостоятельная дѣятельность и частныхъ лицъ по собиранію народно-поэтическаго матеріала, устнаго и письменнаго, и вообще памятниковъ народной старины. Ранѣе другихъ на эту дорогу выступилъ П. В. Кирѣевскій (1808 — 1856), начавшій собираніе памятниковъ устной поэзіи еще съ 30-хъ гг.; за Кирѣевскимъ слѣдовали П. И. Якушкинъ (1820—1872), В. И. Даль (1801—1872), предшественники въ этомъ отношеніи П. Н. Рыбникова (1832—1885), П. В. Шейна (род. 1826), П. А.

Безсонова (род. 1828), Варенцова († 1867), Худякова († 1871) и мн. др. Особенно важными были здѣсь также такія изданія, какъ *Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи* Калачова (кн. I, Спб. 1850; втор. изд.—Спб., 1876; кн. II, пол. вт., М. 1854; пол. перв., М., 1855; кн. III, 1861); его же *Архивъ историч. и практич. свѣдѣній, относящихся до Россіи* (кн. II, Спб., 1859; кн. I, Спб. 1860), *Лѣтописи русской литературы и древности* Тихонравова (т. 1, кн. 1, М., 1859; кн. 2, М., 1859; т. II, кн. 1, М., 1860; кн. 2, 1860; т. III, М., 1861; т. IV, М., 1862; т. V, 1863),—отчасти *Правосл. Собесѣдникъ* (50-хъ гг.) и др. изд. Между тѣмъ, въ концѣ 40-хъ гг. въ нашихъ университетахъ основываются каѳедры славянскихъ нарѣчій,—что тотчасъ же ведетъ къ болѣе близкому и непосредственному знакомству нашихъ изслѣдователей съ славянскимъ міромъ. Къ собранному и собиравшемуся русскому этнографическому матеріалу, къ первымъ опытамъ его научнаго освѣщенія, теперь присоединялся новый обширный матеріалъ, вынесенный изъ непосредственнаго знакомства съ современнымъ бытомъ другихъ славянскихъ народовъ и памятниками славянской письменности,—пролившій новый свѣтъ на славянскія древности и въ частности на миѳологическую старину. Это начавшееся изученіе славянскаго міра, западнаго и южнаго, особенно много содѣйствовало усиленію и упроченію возникшаго научнаго движенія. Изученіе славянства впервые дало русской этнографіи настоящее научное основаніе, указавши для древнѣйшей поры народности ея общеславянскую основу. «Явилась возможность сравненія языка; сравненія миѳовъ, преданій, поэзіи; сравненія бытовыхъ учрежденій и обычаевъ и, въ концѣ концовъ, опредѣленія общеславянскихъ свойствъ русской народности и ея исключительныхъ особенностей»... Вмѣстѣ съ тѣмъ, одновременно устанавливается и болѣе непосредственная связь русскихъ ученыхъ съ западной наукой: въ нашихъ университетахъ около названнаго времени впервые начинаетъ практиковаться посылка русскихъ молодыхъ ученыхъ заграницу,—и это въ свою очередь существеннѣйшимъ образомъ способствуетъ притоку къ намъ свѣжихъ европейскихъ знаній, прямому, непосредственному знакомству съ пріемами и взглядами строгой европейской науки... Благодаря всѣмъ названнымъ условіямъ, а также и нѣкоторымъ другимъ, менѣе важнымъ, съ 40—50 гг. у насъ появляется цѣлый рядъ новыхъ научныхъ дѣятелей,—съ несравненно болѣе широкой программой, основанной на изученіи болѣе широкаго этнографическаго матеріала и непосредственномъ знакомствѣ съ научными взглядами и пріемами запада. Бодянскій (1808—1877), Григоровичъ (1815—1877), Срезневскій (1812 — 1880), Рѣдкинъ (1808 — 1883), Неволинъ (1806 — 1855), Крыловъ (1807 — 1867), Кудрявцевъ (1817 — 1858), Грановскій (1813 — 1855), Буслаевъ (род. 1818), Аѳанасьевъ (1826—1871), Катковъ (1818—1887), Соловьевъ (1820—1879), Кавелинъ (1818—1885), Калачовъ (1819—1885), къ которымъ нѣсколько позднѣе примыкаютъ М. И. Сухомлиновъ, Н. С. Тихонравовъ, Л. Н. Майковъ (род. 1839), митр. Макарій (1816—1882), П. А. Лавров-

скій (1827—1886), Н. А. Лавровскій, А. А. Потебня († 1891) Котляревскій (1837—1881), Забѣлинъ (род. 1820) и мн. др.,—одновременно и въ самыхъ различныхъ областяхъ русской науки полагаютъ совершенно новыя начала. На упоминавшейся статьѣ Кавелина, написанной по поводу изданія Терещенка,—какъ нельзя лучше можно видѣть, ка́къ далеко старое отстояло отъ новаго, какая неизмѣримая бездна лежала между пріемами и взглядами старыхъ изученій и новыми, предъявленными только теперь, вновь выступившими дѣятелями. Изученіе разомъ началось съ самыхъ различныхъ сторонъ, смотря по спеціальности. Разносторонность изученія какъ нельзя лучше способствовала успѣху общаго научнаго результата. Одновременно съ трудами собственно этнографическими, съ трудами по изученію народнаго быта, народной миѳологіи, памятниковъ народной поэзіи,—идутъ работы по изученію русскаго языка, русскаго обычнаго права, русской политической исторіи, исторіи русскаго раскола, русской церкви и т. д. Впервые изданные или даже открытые новые матеріалы въ области старой русской письменности—открываютъ новыя стороны для изученія устной народной поэзія, впервые возникаетъ и ставится вопросъ о тѣсныхъ взаимныхъ отношеніяхъ старины письменной и устно-поэтической... Все это своимъ общимъ объемомъ и значеніемъ производило—«цѣлый переворотъ» какъ въ способахъ изслѣдованія народной жизни, такъ и въ самомъ взглядѣ на историческое развитіе»...

Въ области изученій русскаго языка, русской миѳологіи и всей вообще русской старины, устной и письменной, важнѣйшими дѣятелями, ранѣе другихъ выступившими на почвѣ новаго научнаго движенія, были: И. И. Срезневскій, Ѳ. И. Буслаевъ и А. Н. Аѳанасьевъ.—Къ ихъ трудамъ примыкали, по времени появленія, отчасти имъ предшествуя, случайныя работы въ той же области Бодянскаго (1808—1877) и Костомарова (1817—1885). Скажемъ сначала о послѣднихъ.

Изъ трудовъ Бодянскаго сюда принадлежало, кромѣ небольшой статьи *Объ одномъ прологѣ д-ки Моск. дух. типографіи и тождествѣ Хорса и Даждь-бога* (Чтенія Моск. Общ. ист. и древн., 1846, кн. 2; см. тамъ же, 1847, кн. 9, переписку съ Сабининымъ по поводу этой статьи), изслѣдованіе *О народной поэзіи славянскихъ племенъ* (Москва, 1837). Изслѣдованіе было диссертаціей автора для полученія ученой степени и сравнительно съ состояніемъ тогдашней разработки вопроса представляло явленіе очень крупное. Диссертація касалась предмета «въ то время совершенно новаго, можно сказать, неизвѣстнаго». Въ распоряженіи изслѣдователя было лишь нѣсколько отдѣльныхъ сборниковъ народныхъ пѣсенъ—русскихъ, сербскихъ, чешскихъ, польскихъ, нѣсколько легкихъ статей о народной поэзіи, «навѣянныхъ неопредѣленнымъ чувствомъ потребности уважать все народное»,—«и болѣе ничего»... Книга извѣстное время пользовалась авторитетомъ; «еще долго самые страстные поклонники народной поэзіи оставались съ нею въ очарованномъ кругѣ мечтаній, заступавшихъ мѣсто изслѣдованій»... Труду придавали цѣну основные взгляды изслѣдователя, очень скоро сдѣ-

лавшіеся слишкомъ общими и элементарными, но для своего времени вполнѣ имѣвшіе характеръ новизны,—какъ напр.: «Всякая поэзія, чтобы быть самостоятельною, истинною поэзіею, должна быть народною; всякая народная поэзія съ достоинствами общечеловѣческаго художества соединяетъ еще особенныя, свойственныя ей какъ достоянію одного особеннаго народа, и выдѣляется отъ другихъ разными чертами, сводящимися въ одно цѣлое, изображающими и характеръ этой поэзіи и характеръ народа, которому она принадлежитъ», и т. д. Что касается до названной небольшой статьи о тождествѣ Хорса и Даждь-бога, то она была одной изъ первыхъ попытокъ изученія народной миѳической старины въ связи съ памятниками славяно-русской письменности.—Мы совершенно не касаемся громадныхъ трудовъ Бодянскаго въ области изученія у насъ вообще славяновѣдѣнія; отмѣтимъ только сдѣланный имъ переводъ *Славянскаго народописанія* (М., 1843) и *Славянскихъ Древностей* (М., 1848) Шафарика (1795—1861) и многолѣтнее (съ 1846 по 1848 и съ 1858 по 1877 г., всего—97 книгъ) редактированіе имъ извѣстныхъ *Чтеній Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ*,—представляющихъ такой громадный матеріалъ для изученія и русской и вообще славянской литературы и филологіи.

Для своего времени весьма цѣннымъ научнымъ пріобрѣтеніемъ было общее содержаніе и работы Костомарова: *Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи (Харьковъ, 1843)*,—хотя книга эта очень скоро уже обнаружила свою отсталость. По своему общему характеру, пріемамъ и методу изслѣдованія, книга Костомарова принадлежала еще къ старому періоду русской науки. Въ трудѣ Костомарова еще не видно знакомства съ гриммовскимъ пріемомъ обслѣдованія поэтическаго матеріала,—миѳологическія основы поэзіи авторомъ совершенно оставляются въ сторонѣ; вопросъ объ «историческомъ значеніи народной поэзіи» ставится только въ тѣсномъ, ближайшемъ смыслѣ...

Столь же изолированной въ общемъ новомъ научномъ движеніи, но съ другимъ характеромъ, явилась другая книга Костомарова, вышедшая въ это же время: *Славянская миѳологія* (*Кіевъ, 1847*). Книга эта теперь совершенно забыта, сдѣлалась библіографической рѣдкостью; чтобы познакомить съ нею, я приведу главные выводы, къ которымъ приходитъ авторъ: это какъ нельзя лучше познакомитъ насъ съ тѣми научными взглядами и пріемами, какіе тогда еще могли заявляться въ разсматриваемой научной области и у насъ и на западѣ. Вотъ resumée изслѣдованія нашего ученаго:

Славяне, не смотря на видимое многобожіе, признавали одного Бога, отца природы; другія божества происходили уже, или истекали, изъ верховнаго... Коренной принципъ славянской религіи—эманація; по понятію славянъ, и нравственная и физическая природа представляется живущею, заключающею въ каждомъ явленіи своемъ жизненный духъ, исходящій изъ Зиждителя... Однако славянское понятіе о божествѣ совсѣмъ не пантеизмъ.

Богъ или Прабогъ не самъ основалъ міръ, не разсѣялся въ своемъ твореніи, а только испустилъ изъ себя д у х о в ъ, которые населяютъ матерію и служатъ какъ бы посредниками между мертвою массою и всеоживляющимъ началомъ; сами они существуютъ отъ Бога отлично... Ближайшее къ Богу истеченіе есть с в ѣ т ъ; свѣтопоклоненіе является существеннѣйшею частью слав. язычества... Древніе писатели приводятъ очень много различныхъ именъ для слав. боговъ; всѣ эти имена только разныя названія для одного и того же свѣтоноснаго начала. С в а н т о в и т ъ, Р а д е г а с т ъ, С в а р о ж и ч ъ, Д а ж ь-б о г ъ, П е р у н ъ—въ сущности одно и то же лицо... Это же самое свѣтлое начало является и подъ именами: Т р и г л а в а, Б ѣ л б о г а, Я р о в и т а, Р у г і е в и т а, П о р е в и т а, П о р е н у т а: анализъ самыхъ этихъ словъ подтверждаетъ такое предположеніе... Къ тѣмъ-же номинаціямъ свѣтоноснаго начала принадлежатъ имена Л а д а и Ж и в а г о. Ладъ или Ладонъ былъ богомъ всякаго наслажденія и благополучія; отъ него зависѣло также и счастье семьи. Сл. *ладъ*, очевидно, славянское и означаетъ согласіе, гармонію, красоту, любовь; сл. *ладность* значитъ красота; по чешски *лада*—красавица; по польски и южноруски *ladny*—прекрасный; у русскихъ *ладъ* и *лада* означаютъ мужа и жену... Такъ какъ Ладъ было божество любви и гармоніи, божество весны, и такъ какъ оно стояло въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ къ человѣческому браку,—то слѣд. въ немъ нужно видѣть вообще «божество гармоніи вселенной, любви всемірной, символъ вседѣйствующаго, всеоживляющаго весенняго солнца; праздники ему отправлялись въ эпоху красоты природы, во время, когда особенно дѣйствуетъ половое возбужденіе...» Такой же характеръ имѣлъ и Живъ или Живый... Мужескимъ божествамъ, Ладу и Живу, у славянъ соотвѣтствовали женскія — Л а д а и Ж и в а. Эта Лада или Жива «символизировала природу, жизненное начало, была мать солнца въ его воплощеніи, богиня любви, гармоніи, брака, веселья, красоты и всякаго благополучія, мать—питательница міра, подательница благъ...» Такое женское символическое существо встрѣчается почти во всѣхъ миѳологіяхъ: Лада—индійская Бгавани, греч. Гера, Афродита, римск. Цибелла и т. д.; «она была и то, что у насъ называется мать-земля...» Лада у славянъ считалась матерью Л е л я и Л е л и, двухъ близнецовъ, изъ которыхъ одинъ былъ мужеск. пола, другой—женскаго, и которые «по высшему внутреннему разумѣнію» были одно... Поклоненіе близнецамъ встрѣчается въ миѳологіяхъ: индійской, египетской, греческ. и т. д. «Это двуполое существо выражало природу первоначальную,—когда она еще не высказалась въ противоположностяхъ, и природу окончательную, абсолютную, результатъ процесса міровой жизни...» Существо двуполое скоро явилось въ образѣ отдѣльныхъ существъ, мужескаго и женскаго... Мужеское есть воплощенный свѣтъ: С в я н т о в и т ъ — Кришна—Озирисъ—Аполлонъ — Діонисій — Атисъ; женское—в о д а... Во всѣхъ религіяхъ вода изображаетъ страдательную первоначальную матерію женственнаго существа, изъ которой посредствомъ плодотворнаго прикосновенія существа мужескаго произошли всѣ вещи. Страдательное положеніе воды въ природѣ послужило человѣку поводомъ видѣть

въ ней женское существо. Безъ животворной силы свѣта, лишенная движенія, жизни, вода наполняетъ пространство въ видѣ снѣга, льда, мертвой массы; но когда свѣтъ и теплота пробуждаютъ ее, она расходится и подъ вліяніемъ свѣта рождаетъ и питаетъ годовой міръ. И на этомъ-то внутреннемъ основаніи славяне-свѣтопоклонники почитали воду...» Названій для воднаго начала у славянъ также было довольно; сюда принадлежатъ: М о р а н а, т. е. Моряна—Морская, Д ѣ в о н і я, Д з ѣ в а н а, Д а н а; названія слав. рѣкъ: Д в и н а, Д у н а й, Д н ѣ п р ъ, Д о н ъ—одного корня съ этими словами... «Итакъ, формулируетъ авторъ все сказанное имъ, изъ такого хаоса наименованій, подъ которыми разумѣли обыкновенно нѣсколькихъ отдѣльныхъ боговъ, съ прибавкою вымышленныхъ, выходитъ, что славяне признавали единаго Бога-Вседержителя, творца и отца творенія, который своею премудрою всетворною любовью—Ладою—создалъ первоначально бытіе. Это бытіе заключало въ себѣ противоположность мужеской и женской природы; первая выразилась свѣтомъ, духомъ, вторая—матеріею, водною жидкостью. Чрезъ гармоническое соединеніе этихъ существъ образовалось невидимое и видимое...» Противоположность этому существу свѣтлому, животворному, доброму (Свантовитъ—Дажь-богъ—Перунъ—Хорсъ—Бѣлбогъ и т. д) составляло мрачное, смертоносное, злобное существо—Ч е р н о б о г ъ... Съ этимъ виновникомъ зла борется начало свѣта, истины и добра, и въ такомъ бореніи проявляется въ природѣ жизнь физическая и нравственная... Вся природа, оживотворенная огнесвѣтомъ, духомъ красоты, гармоніи и разума, великимъ Ладомъ, есть сцена борьбы добраго Бѣлбога съ мрачнымъ Чернобогомъ.. Все на землѣ оживлено д у х а м и, которые помогаютъ или доброму или злому началу. И нравственныя свойства человѣка и физическіе предметы славяне олицетворяли въ образѣ духовъ. Послѣдніе носили названіе боговъ вѣтряныхъ, водяныхъ, лѣсныхъ, полевыхъ, земляныхъ и т. д. Солнце, мѣсяцъ, звѣзды—все было олицетворено... Вода была полна р у с а л к а м и, въ горахъ водились в и л ы, въ лѣсахъ жило множество л ѣ ш и х ъ... Все было полно жизни и движенія,—полно борьбой свѣта и тьмы, тепла и холода, лѣта и зимы, добра и зла... «Мы видимъ здѣсь—обобщаетъ авторъ—всеобщее понятіе объ олицетвореніи солнечной силы: смерть и воскресеніе въ мірѣ физическомъ знаменуетъ годовой кругъ—лѣто и зима, а въ мірѣ нравственномъ вочеловѣченіе божества на землѣ, благодѣянія, страданія и торжество. Эта идея высказалась и въ воплощеніяхъ Вишну, и въ Озирисѣ, и въ Діонисіи, и въ Атисѣ, и въ Созіашѣ, и въ Бальдурѣ, и —въ нашемъ языческомъ божествѣ съ различными названіями и съ однимъ значеніемъ... Эта идея воплощенія, страданія и торжества божественнаго существа на землѣ была чудеснымъ предчувствіемъ пришествія Сына Божія, солнца правды, свѣта истины, и служитъ величайшимъ историческимъ подтвержденіемъ истины нашего св. Писанія. Это была идея, вложенная Творцомъ въ родъ человѣческій: человѣкъ какую-бы религію ни создалъ себѣ, непремѣнно долженъ былъ проявить въ себѣ то начало, съ которымъ самъ произошелъ на свѣтъ; оторвать отъ него мысль о вочеловѣченіи бо-

жества было бы столь же трудно, какъ истребить вѣру въ свою душу. Коварные умы не разъ уже хотѣли доказывать подложность исторіи Іисуса Христа видимымъ подобіемъ съ вѣрованіемъ народовъ, не разъ уже указывали и на Созіаша, и на Адониса, и на Аполлона, какъ на первообрази Богочеловѣка; но всѣ ихъ указанія могутъ служить только бо́льшимъ подтвержденіемъ и укрѣпленіемъ того, что́ хотятъ ниспровергнуть. Во всѣхъ миѳологіяхъ, какъ они ни были извращены человѣческимъ мудрованіемъ и фантазіею, скрываются истины, въ глубочайшей древности дѣтства человѣческаго открытыя свыше...» — Изложеннаго слишкомъ достаточно для того, чтобы видѣть пріемы автора и характеръ всей его книги. Пользуясь отрывочными, неясными, часто весьма противорѣчивыми, указаніями различныхъ писателей, упоминавшихъ о религіозныхъ вѣрованіяхъ первобытныхъ славянъ,—авторъ приводитъ все это въ стройную, блестящую систему, всему даетъ смыслъ и значеніе... Въ одномъ мѣстѣ Котляревскій, опредѣляя общіе взгляды и пріемы въ изслѣдованіяхъ по нѣмецкой миѳологіи Я. Гримма, замѣчаетъ: «Не дробныя поэтическія воззрѣнія нѣмецкихъ племенъ на природу и человѣка желалъ изобразить онъ, а величавые физическіе и нравственные образы германскихъ боговъ и отношенія къ нимъ человѣка; не наивныя миѳическія представленія народа, а цѣльный сложившійся образъ нѣмецкаго язычества, какимъ застаетъ его христіанство, — словомъ не столько миѳологію въ собственномъ смыслѣ, сколько систему національной религіи...» Все это, въ еще бо́льшей степени на сколько самая миѳологія славянская разрозненнѣе, отрывочнѣе нѣмецкой) можетъ быть сказано и о Костомаровѣ. Изъ ничтожныхъ, отрывочныхъ представленій отдѣльныхъ славян. племенъ объ окружающей природѣ—онъ сдѣлалъ грандіозную систему единой славянской религіи... Книга Костомарова была написана подъ сильнымъ вліяніемъ символики Крейцера (1771—1858), крейцеровой школы объясненія народныхъ миѳовъ. Школа эта была «реакціей и шагомъ впередъ противъ сухого евгемеризма XVIII столѣтія, который видѣлъ въ миѳологіи фантастическое извращеніе или обобщеніе историческаго лица и событія, или басню, «выдуманную жрецами», и не видѣлъ психологическаго процесса, какимъ создавалась миѳологія. На мѣстѣ механическаго понятія о миѳѣ, здѣсь ставился вопросъ объ его естественномъ происхожденіи въ психологическомъ процессѣ народной жизни, ошибка была лишь та, что отвѣтъ на этотъ вопросъ строился не на точномъ изученіи фактовъ, а на теоретическомъ предположеніи. По ученію символической школы (Крейцеръ, Отфридъ Мюллеръ и др.), миѳъ есть вообще иносказаніе, изображающее астрономическія и физическія явленія—солнце и звѣздное небо, свѣтъ и тьму, перемѣну временъ года и т. п.. Вся миѳологія становилась рядомъ символовъ, и такъ какъ ея основныя темы и олицетворенія повторялись у разныхъ народовъ, то въ отожествленіи символовъ терялись наконецъ отличительныя черты вѣковъ и народностей. Миѳологія становилась мистической, для ея уразумѣнія требовалось уже не одно историческое изслѣдованіе, но особое чувство. «Главный трудъ, лежащій

на миѳологѣ, говорилъ Крейцеръ, заключается не въ исторической критикѣ, которая, конечно, необходима, но въ воспріятіи (appercеption), которому нельзя научиться или добиться трудомъ, но которое обусловливается организаціей, въ родѣ той, какая дѣлаетъ поэта...» (Пыпинъ, Ист. рус. этнографіи, III, 177—178).

Труды Срезневскаго въ области этнографіи начались собираніемъ и изданіями памятниковъ словацкой и малорусской поэзіи,—въ последнемъ отношеніи ему предшествовали опыты кн. Цертелева († 1869) и Максимовича (1804—1873). Такъ въ 1832 г. Срезневскій издалъ *Словацкія Пѣсни* (Харьковъ, 1832), двадцать словацкихъ пѣсенъ,—записанныхъ имъ отъ заходившихъ въ Харьковъ словаковъ; въ 1833—1838 гг. сборникъ *Запорожская Старина* (сборникъ выходилъ отдѣльными небольшими книжками,—три первыхъ составили первую часть (Харьковъ, 1833—1834); три слѣдующихъ, съ четвертой по шестую, вторую (Харьковъ, 1834—1838), въ 1838 г. —*Украинскій Сборникъ* (Харьковъ, 1838). Изданія эти, впрочемъ, не превышали общаго уровня тогдашней нашей этнографической науки. Строго научнаго содержанія въ этихъ изданіяхъ было не много: и общій взглядъ собирателя на предметъ нерѣдко отзывался еще господствовавшимъ тогда туманнымъ романтизмомъ и самый матеріалъ этнографическій собирался и заносился въ книгу безъ должнаго къ нему серьезнаго отношенія,—подлинное, народное, и здѣсь, какъ въ другихъ изданіяхъ того времени, часто еще замѣнялось не только сомнительнымъ, но прямо подложнымъ. Сборники Срезневскаго въ этомъ отношеніи стоятъ даже ниже сборниковъ Сахарова и Терещенка; позднѣйшими изслѣдователями указанъ напр. цѣлый рядъ поддѣлокъ въ «Запорожской Старинѣ»... Совершенно другой характеръ носятъ работы Срезневскаго по изученію славяно-русской миѳологіи, написанныя имъ по возвращеніи изъ заграничнаго путешествія (гдѣ онъ былъ съ ноября 1839 по сентябрь 1842 г.). Важнѣйшими и болѣе ранними здѣсь были:

— *Объ обожаніи солнца у древнихъ славянъ.* Ж. М. Нар. Пр., 1846, № 7.

— *Архитектура храмовъ языческихъ славянъ.* Чтенія Моск. Общ. ист. и древн. Рос., 1846—1847, III, стр. 45—57.

— *Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ, по свидѣтельствамъ современнымъ и преданіямъ. Харьковъ. 1846.* Въ послѣднемъ изслѣдованіи, отчасти повторявшемъ собою и два предыдущія, изслѣдователь приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

«Сравнивая свидѣтельства современныя и преданія о языческомъ богослуженіи славянъ, замѣчаемъ, что всѣ они, къ какимъ-бы славянамъ ни относились, не представляютъ никакихъ существенныхъ противорѣчій, а только дополняютъ и объясняютъ одни другихъ взаимно. Изъ этого можно заключить, что главныя основанія и принадлежности языческаго богослуженія для всѣхъ славянъ были одни и тѣ же. Не мудрено, что были и мѣстныя особенности, что и время съ своей стороны имѣло вліяніе на измѣненіе многихъ обычаевъ богослуженія, но главныя черты его оставались всюду неизмѣнными.—Главнымъ основаніемъ богослужебныхъ обычаевъ

славянъ были положительные догматы ихъ вѣры. Впрочемъ, съ помощью однихъ догматовъ, особенно въ томъ ихъ видѣ, какъ они теперь извѣстны, нельзя объяснить всѣхъ условій богослуженія: надобно вникнуть и въ ихъ соотношенія съ частными миѳами, правилами нравственности, знаніями и понятіями древнихъ славянъ. Къ сожалѣнію, при настоящемъ состояніи миѳологіи славянъ и изысканій объ образованности славянъ въ періодъ язычества, это еще невозможно, тѣмъ болѣе потому, что на раскрытіе многихъ древнихъ свидѣтельствъ надѣяться нельзя, а изъ того, чтó уцѣлѣло отъ времени язычества въ народѣ, извѣстно въ этомъ отношеніи еще очень немногое.—Святилищами богослуженія древнихъ славянъ были: жертвенники, посвященные божествамъ стихійнымъ воды и огня, жертвенники горные и лѣсные, городища и храмы. Жертвенники принадлежали преимущественно божествамъ земнымъ; храмы—исключительно богамъ небеснымъ и идолослуженію. Жертвенники занимали и мѣсто храмовъ тамъ, гдѣ не было храмовъ; изъ этого однако не слѣдуетъ, что храмы были только въ тѣхъ земляхъ славянскихъ, гдѣ ихъ обозначаютъ свидѣтельства современниковъ, до сихъ поръ отысканныя.—Жрецы, нося по роду своихъ занятій различныя названія и раздѣляясь по своему сану на нѣсколько разрядовъ, составляли особенный, очень важный классъ народа. Какъ хранители и объяснители вѣрованій и таинствъ религіи, управлявшіе обрядами богослуженія, они имѣли сильное вліяніе на народъ въ его жизни частной и общественной. Нельзя сомнѣваться, что со временемъ раскроется болѣе данныхъ о томъ, что жрецы были у каждаго изъ славянскихъ народовъ. Тогда, быть можетъ, рѣшатся и вопросы: въ какомъ соотношеніи находился санъ жреца съ саномъ князя,—кѣмъ не изъ жреческаго сословія могли быть исполняемы должности жрецовъ и въ какихъ именно случаяхъ, какими условіями опредѣлялись отношенія жрецовъ къ жизни семейной, какое мѣсто въ жреческомъ сословіи занимали жрецы, и т. д.—Язычникъ славянинъ считалъ своимъ долгомъ и правомъ славословить боговъ, торжественными обрядами моленій и жертвоприношеній выражать чувства преданности къ нимъ, молить боговъ объ освященіи и очищеніи отъ всякаго зла его самого и того, чтó ему нужно, обрядомъ жертвъ освящать яства и оружія и очищать себя отъ грѣховъ, разгадывать волю боговъ, обрядомъ гаданій узнавать, чтó дѣлать и отъ чего остерегаться. Такъ, молитвы жертвоприношенія и гаданія были главными частями богослужебнаго обряда.—Молитвы славословныя, просительныя и благодарственныя возглашались и пѣлись или исполнителями обряда, или всенародно. Возглашеніе было иногда тайное, шепотомъ; а пѣніе сопровождалось иногда музыкой. Религіозное значеніе пѣсенъ и пѣснотворцевъ, по недостатку данныхъ, остается пока еще мало понятнымъ. Его объясненіе невозможно безъ подробностей о повѣрьяхъ народа, сюда относящихся, и безъ изслѣдованій народныхъ пѣсенъ, между которыми таятся и многія молитвы языческаго времени.—Жертвоприношенія были или возношенія благоуханій, яствъ, оружія, или собственно жертвы закланія и сожженія (отчасти и потопленія) животныхъ и людей. Съ пер-

ными соединялось понятіе о тайнѣ освященія духомъ божества; со вторымъ понятіе о тайнѣ очищенія отъ грѣховъ. Обрядъ погребенія, и по цѣли, и по содержанію, былъ однимъ изъ обрядовъ жертвоприношенія.—Гаданія, помощію жребія и объясненія божественныхъ прорицаній, замѣняли собою во многихъ случаяхъ рѣшенія ума, сердца и закона, отдавали народъ во власть тѣхъ, которые посвящены были въ тайну проницанія воли божества и тяготѣли надъ нимъ во всѣхъ его предначинаніяхъ частныхъ и общественныхъ. Рисуя древнихъ славянъ глубоко преданными своимъ богамъ, глубоко вѣрующими въ участіе, ими принимаемое въ людяхъ, они заставляютъ предполагать въ тѣхъ, кто управлялъ ими, особенныя таинственныя знанія, хоть и смѣшанныя со многими суевѣріями, но не состоявшія изъ нихъ однихъ.—Къ обряду богослужебному принадлежали, вѣроятно, и чары; но объ нихъ не дошло до насъ никакихъ свидѣтельствъ современныхъ; изъ того-же, что́ до сихъ поръ знаемъ о нихъ изъ повѣрій народныхъ, трудно рѣшить, какія онѣ были и въ чемъ заключались.—За совершеніемъ обряда слѣдовало всегда священное пиршество, сопровождаемое разнаго рода играми, пляской, пѣснями, борьбой и проч.—Были особенные дни, посвященные богослужебнымъ торжествамъ, каждогодно въ извѣстное время. О годичномъ кругѣ языческихъ празднествъ славянскихъ сохранилось много данныхъ въ обычаяхъ и преданіяхъ народа: изъ нихъ ясно видно, что главнымъ основаніемъ этого круга было поклоненіе солнцу; но его удовлетворительно описаніе невозможно безъ многихъ предварительныхъ изысканій.»

Выводы изслѣдователя были, впрочемъ, лишь болѣе или менѣе «вѣроятными»...

Изъ другихъ трудовъ Срезневскаго, касавшихся славяно-русской миѳологіи и вообще области народнаго творчества, отмѣтимъ:

— *Взглядъ на памятники украинской народной словесности.* Письмо къ профессору И. М. Снегиреву. Уч. Записки Импер. Моск. Унив., 1834, ч. VI, октябрь № IV. стр. 134—150.

— *Извлеченія изъ Краледворской рукописи, касательно религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ.* Ж. М. Н. Пр., 1840, XXVIII, отд. II, стр. 115—148.

— *Дополненіе къ Замѣчаніямъ о праздникахъ у малороссіянъ.* Маякъ, 1844, т. XI, матеріалы, стр. 45—57 («Замѣчанія» были написаны К. Сементовскимъ).

— *О языческомъ вѣрованіи древнихъ славянъ въ безсмертіе души.* Журн. Мин. Нар. Просв., 1847, ч. LIII, отд. II, стр. 185—196.

— *Рецензія книги: «Краледворская рукопись и Судъ Любуши. А. Соколова (Казань, 1846).»* Журн. Мин. Нар. Просв., 1847, ч. LV, отд. VI, стр, 154—170.

— *Свидѣтельство Паисіевскаго сборника о языческихъ суевѣріяхъ русскихъ.* Москвитянинъ, 1851 г., ч. II, № 5, стр. 52—64.

— *Збручскій истуканъ краковскаго музея.* Записки Импер. Археол. Общ., т. V, вып. 2 и 3, Спб., 1853, стр. 163—183 (и отд.).

— *Замѣчанія касательно стиха о Голубиной книгѣ по списку В. М.*

Ундольскаго. Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. русск. яз. и слов., т. III, 1854, col. 47—48.

— *Роженицы у славянъ и другихъ языческихъ народовъ*. «Архивъ историко-юридическихъ свѣд.», Калачова, книги второй пол. перв., 1855, отд. I, стр. 97—122 (и отд., Москва, 1855).

— *Приписка къ статьѣ князя М. А. Оболенскаго: «Новое свидѣтельство о родопочитаніи»*. Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. русск. яз. и слов., т. IV, 1855, col. 174—176).

— *Дѣвь записки на статью: «Трудъ и мнѣнія Н. В. Берга касательно народныхъ пѣсенъ»*. Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отд. русск. яз. и слов., т. IV, 1855, col. 381—397.

— *Mater verborum Чешскаго музея*. Извѣстія Им. Русск. Археол. Общ., I, I, Спб., 1857, стр. 1—6 (и отд.).

— *Нѣсколько замѣчаній объ эпическомъ размѣрѣ славянскихъ народныхъ пѣсенъ*. Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. русск. яз. и слов., т. IX, 1861, col. 345—366 (и отд.).

— *Русскіе калики древняго времени*. Записки Импер. Акад. Наукъ, т. I, кн. II, 1862, стр. 186—210.

— *Разборъ книги подъ заглавіемъ: «Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ»*. XXXIII прис. Демидовск. наградъ, 1865, стр. 99—107.

— *Дополнительныя замѣчанія на статью А. О. Патера «Чешскія глоссы въ Mater verborum»*. Сборникъ Отдѣл. русск. языка и словесн., т. XIX, № 2, 1878, стр. 82—152.

— *Былина о судѣ Любуши*. Рус. Филол. Вѣстникъ, Колосова, 1879, № 1, стр. 1—34 (и отд.).

Начиная съ пятидесятыхъ годовъ, ученая дѣятельность Срезневскаго является неразрывно связанной съ дѣятельностью Второго Отдѣленія Академіи Наукъ, членомъ которой онъ выбранъ былъ въ концѣ 1851 г. (Второе Отдѣленіе возникло 19 окт. 1841 года, изъ Россійской Академіи, учрежденной Екатериной II въ 1783 г.). Дѣятельность II Отдѣленія, главнымъ представителемъ которой долгое время былъ Срезневскій, много способствовала общему развитію и упроченію нашихъ филологическихъ и историко-литературныхъ изученій. По мысли и предложенію Срезневскаго, при Отдѣленіи начаты были, подъ редакціей Срезневскаго, два періодическихъ ученыхъ изданія—*Извѣстія Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности* и сборникъ подъ заглавіемъ: *Ученыя Записки II Отд. Имп. Акад. Наукъ*; первыя начали выходить съ 1852 года и продолжались по 1863 (вышло всего десять томовъ, I—X, Спб., 1852—1863), вторыя—съ 1854 года и продолжались по 1861 (всего—семь томовъ, Спб., 1854—1861). Дальнѣйшимъ продолженіемъ этихъ изданій является *Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Ак. Наукъ*, начатый съ 1867 г. и продолжающійся до сихъ поръ (всего вышло 53 тома, Спб., 1867—1893; «Указатель» къ нему, а равно и къ другимъ изданіямъ Отдѣленія, а также и Россійской Академіи—въ 52-мъ томѣ «Сборника»). Особенно цѣннымъ изда-

ніемъ для того времени являлись «Извѣстія». Кромѣ редактора, который былъ главнымъ вкладчикомъ, въ «Извѣстіяхъ» и въ «Ученыхъ Запискахъ» принимали участіе и другія лица,—«почти всѣ наличныя силы того времени по славянской филологіи и исторіи отечественной словесности, силы, которыя редакторъ умѣлъ сплотить и вызвать къ дѣятельности». Громадную научную цѣнность изданія до сихъ поръ составляетъ помѣщенный здѣсь рядъ замѣчательныхъ изслѣдованій по изученію славянской и древне-русской письменности и памятниковъ народной словесности, изданій самыхъ памятниковъ, письменныхъ и устныхъ, ихъ изученіе въ связи съ исторіей языка, постановка вопросовъ объ изученіи самаго языка, древняго и современнаго, масса предположеній и догадокъ, вполнѣ оправданныхъ послѣдующими изысканіями... Все это скоро дало богатый научный результатъ. «Поиски въ древней литературѣ открыли существованіе многихъ, ранѣе не извѣстныхъ, памятниковъ и установили точнѣе, чѣмъ было до тѣхъ поръ, первые начатки древней русской письменности. Работы по языку повели къ изданію *Опыта областного великорусскаго словаря* (*1852*, съ *Дополненіемъ*, *1858*), къ собранію обширныхъ матеріаловъ для словаря древне-русскаго языка, для объясненія восточныхъ словъ въ русскомъ языкѣ, для выработки плана будущаго словаря русскаго языка и т. д. Поиски въ народной словесности вознаградились на первый же разъ замѣчательными пріобрѣтеніями: таковы были знаменитыя пѣсни, записанныя въ началѣ XVII в. въ Москвѣ англійскимъ баккалавромъ Ричардомъ Джемсомъ; таковы были новыя былины о богатыряхъ Владимира, былины и пѣсни о событіяхъ XVI и XVII вѣка, о Петрѣ Великомъ и пр.,—памятники, почти не появлявшіеся вновь въ литературѣ со временъ Кирши Данилова и которые были предшественниками сдѣланныхъ уже вскорѣ блистательныхъ открытій въ области русскаго народнаго эпоса» (Пыпинъ, Ист. рус. этн., II, 52). Было бы трудно, почти невозможно, перечислить важнѣйшіе, помѣщенные здѣсь, труды и изслѣдованія, отрывочныя записки и замѣтки, часто очень небольшія по объему, но въ высшей степени цѣнныя въ научномъ отношеніи,—отдѣльныя мысли, догадки, высказанныя мимоходомъ и обильно разбросанныя на страницахъ «Извѣстій», касающіяся изученія славянскаго и русскаго языковъ, памятниковъ народной поэзіи и древней русской письменности. «Извѣстія» вводили читателя непосредственно какъ бы въ самый процессъ научныхъ изученій и изслѣдованій. Одновременно и въ связи съ общимъ возникшимъ научнымъ движеніемъ, редактированныя Срезневскимъ изданія постепенно подготовили ту прочную научную почву, на которой стоитъ теперь, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, изученіе русской народности.—Отдѣленіе, впрочемъ, не сразу выступило на строго-научную дорогу въ своихъ изученіяхъ. Въ 1852 году Вторымъ Отдѣленіемъ, напр., изданъ былъ, при нѣкоторомъ участіи даже Срезневскаго, *Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка* (*1852*) Давыдова... По пріемамъ изученія и общему характеру труда, изданіе это всецѣло принадлежало еще къ старой наукѣ,—и говорило лишь

о той крайней медленности, съ какой проникали и упрочивались у насъ пріобрѣтенія западной науки.. «Организму языка» Беккера, замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ проф. Котляревскій—сильно посчастливилось на нашей почвѣ: эта система «произвела у насъ нѣсколько руководствъ, достойныхъ занять почетное мѣсто въ средѣ прочихъ книгъ, препятствовавшихъ умственному развитію нашего юношества. Во главѣ ихъ стояла «Общесравнительная грамматика рус. языка», изъ которой, какъ неизсякаемаго источника, черпали наши грамматисты второго ранга, и которая, иногда ужъ слишкомъ безцеремонно, сама черпала изъ Беккера, Вурста и др.»... Современное направленіе въ языкознаніи и успѣхи его въ трудахъ Боппа, Потта, В. Гумбольдта, Гримма и другихъ, были знакомы автору «Опыта» «только по слухамъ и даже по темнымъ слухамъ,—это ясно видно почти изъ каждой страницы «Опыта общесравнительной грамматики», который по собственному признанію сочинителя, весь состоитъ изъ отрывковъ, взятыхъ у разныхъ грамматистовъ разныхъ направленій, начиная съ Греча и кончая Буслаевымъ и Катковымъ; короче сказать, это—не грамматика русскаго языка, а свалочная книга различныхъ грамматическихъ понятій, приведенныхъ въ единство только отсутствіемъ хронологическихъ помѣтъ и недалекою логическою закраскою: старое такъ рѣшительно укладывается возлѣ новаго, немногое годное такъ тѣсно переплетено съ негоднымъ, что рѣшительно становится невозможнымъ признать у автора существованіе какой-нибудь общей мысли, руководившей его въ трудѣ, не говоря уже о современныхъ лингвистическихъ понятіяхъ»... («Фил. Зап.», 1862—63 гг. Соч., I, 391—395. Объ «Организмѣ языка» Беккера и о значеніи этой книги въ историческомъ развитіи сравнительнаго языкознанія см. ib., I, стр. 359—361). По своему научному характеру и достоинству, этотъ «Опытъ» напоминаетъ другую, болѣе раннюю книгу: *Предметъ, методъ и цѣль филологическаго изученія русскаго языка* (1846—48) Костыря,—изслѣдованіе, въ которомъ и «методъ» и «цѣль» являлись въ русской наукѣ слишкомъ запоздалыми, хотя и представляли собой университетскія лекціи.

Эпоху въ изученіи русской народной старины и словесности дѣлаютъ труды акад. Ѳ. И. Буслаева, одного изъ величайшихъ дѣятелей нашей науки послѣдняго времени. Буслаевъ выступилъ въ русской наукѣ первымъ выразителемъ того новаго научнаго движенія, которое только что совершилось передъ тѣмъ въ Германіи и главными представителями котораго были Боппъ и Я. Гриммъ. Начала критики Буслаева—гриммовскія начала историко-сравнительнаго метода въ изученіи миѳологическаго матеріала, гриммовскій методъ изученія, примѣненный и развитый нашимъ изслѣдователемъ, впрочемъ, вполнѣ самостоятельно и на почвѣ самой широкой эрудиціи. Мы уже говорили, что съ появленіемъ изслѣдованій Боппа и Гримма западно-европейское языкознаніе получило совершенно новое направленіе. Рядомъ съ прежней «филологіей» выступила «лингвистика». Я. Гриммъ самъ такъ характеризовалъ взаимное отношеніе этихъ двухъ научныхъ направленій: «Два рода изученія языковъ: филологическій и лингвистическій. Для

перваго языкъ есть только средство къ изученію древней литературы, но средство неистощимо богатое содержаніемъ. Цѣль филолога достигнута, если онъ мало по малу сживается съ древнимъ языкомъ, и, долго и непрерывно упражняясь вглядываться въ него и чувственно и духовно, такъ усвоиваетъ себѣ его образъ и составъ, что свободно можетъ употреблять его, какъ собственное врожденное достояніе, въ разговорѣ и чтеніи памятниковъ литературы отжившей. Содержаніе и форма взаимно условливаются другъ другомъ, такъ что съ возрастаніемъ уразумѣнія рѣчи и поэзіи, богатѣетъ и содержаніе для грамматики. Идетъ она шагомъ болѣе твердымъ, чѣмъ смѣлымъ, съ взглядомъ болѣе здравымъ, нежели проницающимъ вдаль на богато-разнообразной поверхности, и, кажется, боясь исказить ее, не любитъ вскапывать ее въ глубину. Такая грамматика преимущественное вниманіе обращаетъ на синтаксисъ, котораго нѣжная ткань даетъ знать о цвѣтахъ и плодахъ изучаемой почвы, и въ которомъ особенно высказывается душа языка. Она не заботится о происхожденіи измѣнчивыхъ звуковъ и отдѣльныхъ формъ, довольствуясь тщательнымъ и обычнымъ употребленіемъ ихъ въ рѣчи. Въ ученіи объ образованіи словъ занимается она не столько обнаженіемъ корней, сколько производствомъ и сложеніемъ словъ. Всѣ правила языка направляются къ лучшимъ произведеніямъ литературы и неохотно распространяются на области языка, необработанныя искусствомъ и запущенныя. Все грамматическое изученіе неукоснительно служитъ критикѣ словесныхъ произведеній, полагая въ томъ свое призваніе и цѣль... Другой родъ изученія, лингвистическій, углубляется въ языкъ, какъ въ непосредственную цѣль свою, и менѣе заботится о живомъ и цѣломъ выраженіи. Дѣйствительно, можно изучать языкъ самъ по себѣ и открывать въ немъ законы, наблюдать не то, что̀ на немъ выражается, а то, что̀ живетъ и вращается въ немъ самомъ. Въ противоположность предыдущему, такое языкоученіе можно назвать членоразлагающимъ, ибо оно болѣе любитъ разнимать по частямъ составъ языка и высматривать его кости и жилы, менѣе заботясь наблюдать свободное движеніе всѣхъ его членовъ, и подслушивать нѣжное его дыханіе. Какъ успѣхи анатоміи вообще зависятъ отъ сравненія, такъ и здѣсь возникло сравнительное языкоученіе, извлекающее правила изъ сближенія цѣлыхъ языковъ или формъ одного и того же языка, исторически развивающихся другъ изъ друга, хотя различныхъ, однако сродныхъ и между собою соприкасающихся. Это изученіе мало слѣдитъ за ходомъ и судьбою литературы и находитъ себѣ такую же пищу въ языкѣ необработанномъ, даже въ грубомъ діалектѣ, какъ и въ возвышеннѣйшихъ произведеніяхъ классическихъ. Прежде всего берется оно за простѣйшія стихіи въ звукѣ и флексіяхъ и въ гораздо меньшей мѣрѣ занимается синтаксисомъ. Изслѣдователь сравнительнаго языкознанія примѣняетъ свои правила въ безграничной области, которую онъ никогда не можетъ обозрѣть совершенно. Изумляетъ множество открытыхъ и извлеченныхъ корней изъ почвы изслѣдованія; но трудно побѣдить заманчивость къ разнообразію, легко можно разсѣяться, и послѣдовательные выводы возводятъ иногда на

[illegible] высоту, съ которой какъ разъ упадетъ. [illegible] [illegible] жатва. [illegible] надежная на [illegible] вышеописанной [illegible] [illegible] и [illegible]. Удается сравнительному [illegible] тогда, когда оно медленно и осмотрительно подымается отъ [illegible] основанія. [illegible] средство обуздать и спрасить [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] конецъ прежнему [illegible] [illegible] бы, если бы оно загромоздило себя безконечными [illegible] [illegible] и [illegible], и не расширяло и не укрѣпляло своего основанія. [illegible] нѣтъ неправильностей, которыя не [illegible] [illegible] закона, нѣтъ исключеній, которыя [illegible] [illegible] бы [illegible] правило. Все дѣло въ томъ, чтобы [illegible] [illegible] закону передъ неправильностью и правилу передъ исключеніемъ. [illegible] [illegible] Гумбольдта [illegible] [illegible] [illegible] быстро получили дальнѣйшее развитіе и приложеніе къ [illegible]. На почвѣ лингвистическихъ данныхъ [illegible] [illegible] характера «Языкъ—[illegible]» [illegible] въ умственное развитіе человѣчества [illegible] [illegible] въ [illegible] можно [illegible] [illegible] [illegible] развитія [illegible]. [illegible] есть эпоха, когда и [illegible] [illegible] не [illegible] умственнаго развитія, а [illegible] [illegible]. Языкъ народа [illegible] [illegible] по [illegible] закону развивающійся [illegible] [illegible] формахъ и матеріалѣ сохраняетъ [illegible] [illegible] глубочайшей старины, [illegible] [illegible] [illegible]. На почвѣ сравнительнаго языко- [illegible] сравнительная миѳологія, и [illegible] [illegible] лингвистическую палеонтологію. Въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] неправильныхъ. Какъ палеонтологія [illegible] [illegible] возстановляетъ первичный образъ животнаго [illegible] способъ движенія, питанія и т. д., такъ и [illegible] [illegible] остаткамъ древнихъ словъ, [illegible] [illegible] первоначальнаго значенія корней, [illegible] [illegible] народовъ. Въ частности, въ отношеніи къ [illegible] [illegible] новый, основанный [illegible] [illegible] въ ея ближайшемъ къ основателю развитіи [illegible] [illegible] на убѣжденіи, что [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] доисторическаго единства, она [illegible] [illegible] [illegible] общія миѳическія начала изъ [illegible] матеріала, восходившаго на древнихъ [illegible] [illegible] развитыя [illegible] и [illegible], и этотъ процессъ [illegible] [illegible] сравнительнаго разбора [illegible] [illegible]

наименованій и терминовъ; во 2-хъ, миеическихъ образовъ и представленій, дошедшихъ къ намъ какъ въ письменныхъ источникахъ, такъ и въ преданіяхъ индо-европейскихъ племенъ. Такимъ путемъ, изъ подъ слоевъ, нанесенныхъ исторіею, необходимостями и случайностями долгой жизни, постепенно освобождаются и выходятъ прозрачные первичные образы давняго народнаго міровоззрѣнія и вѣрованія; здѣсь, на этой высотѣ, уже нѣтъ нужды прилагать заботы объ отысканіи первоначальнаго знаменованія этихъ образовъ: источникъ и смыслъ ихъ становится понятенъ и осязателенъ самъ собою, потому что простъ и очевиденъ. Овладѣвъ так. образ. значеніемъ и формою первичныхъ миеическихъ представленій и вѣрованій, наука идетъ потомъ путемъ обратнымъ и слѣдитъ уже историческое и этнологическое измѣненія этихъ простѣйшихъ элементовъ, т. е. ихъ измѣненій соотвѣтственно съ движеніемъ быта, историческими и природными судьбами различныхъ народностей; въ этой области—сравнительная миеологія входитъ, какъ часть въ общую исторію культуры народа».. (Котляревскій, Соч., I, 375—376. II, 267—268).

Такова была новая почва лингвистическо-культурныхъ изученій, на которую впервые у насъ выступилъ Буслаевъ. Буслаевъ впервые приложилъ къ изученію славяно-русской миеологіи и вообще нашей народной старины пріемы сравнительно-историческаго языкознанія. Его книга: *Объ изученіи отечественнаго языка* (М., 1844; второе изд.—М., 1867) и магистерская диссертація *О вліяніи христіанства на славянскій языкъ* (М., 1848) были первыми опытами примѣненія сравнительнаго языкознанія и историческаго метода къ русскому и славянскому языкамъ. Особенно важнымъ было последнее изслѣдованіе. Въ немъ, впервые для русской науки, доказывалось,— что «исторія языка стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ преданіями и вѣрованіями народа», что «въ періодъ своего образованія языкъ носитъ на себѣ слѣды миеологіи народной», что «древнѣйшія эпическія формы ведутъ свое происхожденіе отъ образованія самого языка», что «родство языковъ индоевропейской отрасли сопровождается согласіемъ преданій и повѣрій, сохранившихся въ этихъ языкахъ», и что «миеологическія преданія славянъ должны быть изучаемы въ связи съ преданіями другихъ средневѣковыхъ народовъ, и преимущественно съ преданіями нѣмецкихъ народовъ».. Это были положенія, непосредственно принадлежавшія еще Гримму; но они доказывались и примѣнялись здѣсь вполнѣ самостоятельно, путемъ самостоятельнаго лингвистическаго изученія предмета, остававшагося до того времени совершенно незатронутымъ—языка древне-славянскаго перевода св. Писанія.. Выводы, къ которымъ приходилъ авторъ на основаніи изученія этого перевода, были слѣдующіе: «Готскій переводъ Библіи предлагаетъ значительные факты для исторіи славянскаго языка въ IV вѣкѣ. Славянскій языкъ задолго до Кирилла и Меѳодія подвергся вліянію христіанскихъ идей. Славянскій переводъ Евангелія отличается чистотою выраженія христіанскихъ понятій, происшедшею вслѣдствіе отстраненія всѣхъ намековъ на прежній, до-христіанскій бытъ. Готскій переводъ Биб-

ліи, напротивъ того, являетъ рѣзкій переходъ отъ выраженій миѳологическихъ къ христіанскихъ, и составляетъ любопытный фактъ въ исторіи языка, сохраняя въ себѣ преданія языческія для выраженія христіанскихъ идей. По родству преданій славянскихъ съ нѣмецкими, не только готскій переводъ Библіи, но и др. нѣм. переводы Евангелія, VIII и IX в., предлагаютъ намъ многіе общіе у славянъ съ нѣмцами древнѣйшіе обычаи и вѣрованія, ясно сохранившіеся въ нѣмецкихъ переводахъ св. Писанія, но невошедшіе въ славянскій. Переводъ св. Писанія на славянскій языкъ относится къ той порѣ жизни народной, когда въ языкѣ господствовали еще во всей силѣ понятія о семейныхъ отношеніяхъ. Напротивъ того, въ языкѣ не только др. нѣм. переводовъ св. Писанія, но даже и готскаго, замѣчается бо́льшее развитіе государственныхъ понятій. Въ исторіи славянскаго языка видимъ естественный переходъ отъ понятій семейныхъ, во всей первобытной чистотѣ въ немъ сохранившихся, къ понятіямъ быта гражданскаго. Столкновенія съ чуждыми народами и переводъ св. Писанія извлекли славянъ изъ ограниченныхъ, домашнихъ отношеній, отразившись въ языкѣ сознаніемъ чужеземнаго и общечеловѣческаго. Отвлеченность славянскаго языка въ переводѣ св. Писанія, какъ слѣдствіе яснаго разумѣнія христіанскихъ идей, очищеннаго отъ преданій до-христіанскихъ, усилилась грецизмами, которыхъ, сравнительно съ славянскимъ текстомъ, находимъ гораздо менѣе въ готскомъ. По языку перевода св. Писанія можно себѣ составить нѣкоторое понятіе о характерѣ переводчиковъ и того народа, въ которомъ произошелъ переводъ св. Писанія».—Таковы были методъ и направленіе ученыхъ изысканій нашего изслѣдователя. Приведенные выводы открывали въ славянской культурной жизни бытовую картину «такой далекой поры, на изслѣдованіе которой подобнымъ путемъ еще никогда не покушалась русская наука».

Въ томъ же направленіи шли и дальнѣйшіе труды Буслаева въ области славяно-русской миѳологіи, старинной русской письменности, устной народной словесности и быта. Въ своихъ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ Буслаевъ постоянно обращается къ изученію миѳологическихъ элементовъ русской старины,—насколько эти элементы скрываются въ языкѣ (*Ист. оч.*, I, 1—17. 137—150. 158—191. 191—207. 240—241 и др.), памятникахъ устнаго народнаго творчества, въ сохранившихся остаткахъ народныхъ обычаевъ и обрядовъ (*Ист. оч.*, I, 46—50. 262. 264. 265. 267), въ разнаго рода преданьяхъ и повѣрьяхъ народныхъ (*Ист. оч.*, I, 224—228. 231—241. 242—249. 355—376. II, 32—61. *Нар., поэз.*, 216—244), похоронныхъ причитаніяхъ (*Ист. оч.*, I, 51—52), сказкахъ (*Ист. оч.*, I, 29—44. 308—354. *Нар. поэз.*, 223), былинахъ (*Ист. оч.*, I, 417—418. 424—428. *Нар. поэз.*, 17—102. 232), заговорахъ (*Ист. оч.*, I, 250—256), пословицахъ (*Ист. оч.*, I, 80—134), духовныхъ стихахъ (*Ист. оч.*, I, 143—149. 433—452. 455—463. II, 15—31. 151—152), наконецъ, въ произведеніяхъ древне-русской письменности (*Ист. оч.*, I, 211—217. 264. 269—307. 363. 365—366. 376—400. 423—452. 455—463. II, 15—31. 32—61. 77—84. 104—108. 112—115. 123—125. 155—198. *Нар. п.*, 23. 27—28. 34—36. 57—62. 93. 113. 155. 161. 198. 263—264).

Впрочемъ, необходимо замѣтить, Буслаевъ вовсе не увлекался, или очень рѣдко, миѳологической экзегезой. «Возсозданіе древней миѳологіи русскаго народа его занимаетъ, но далеко не такъ сильно, какъ Гримма; онъ вовсе не миѳологъ по преимуществу, а изслѣдователь народной поэзіи, старой и новой... Онъ остается въ сторонѣ отъ такъ наз. миѳологіи природы, столь рѣзко и односторонне выраженной у учениковъ Гримма, и мы едвали найдемъ гдѣ нибудь въ его сочиненіяхъ (какихъ бы то ни было годовъ) не только попытку превратить Илью Муромца или Иванушку-дурачка въ богагромовника, но даже сколько нибудь ясное выраженіе согласія съ теоріею вообще» (Соболевскій,—Ж. М. Н. Пр., 1892). Въ отношеніи къ своему учителю, Гримму, Буслаевъ вообще вполнѣ самостоятеленъ. Усвоивъ мнѣніе нѣмецкаго ученаго о высокой цѣнности народнаго поэтическаго матеріала и главныя основанія его метода изслѣдованія, Буслаевъ въ дальнѣйшей разработкѣ матеріала совершенно независимъ отъ Гримма». Въ Буслаевѣ мы не видимъ тѣхъ крайностей миѳологическихъ толкованій, въ которыя очень скоро впали другіе наши изслѣдователи-миѳологи на почвѣ того же гриммовскаго метода. Рядомъ съ остатками миѳологіи онъ видитъ и другіе элементы въ народной поэтической старинѣ,—географическіе, историко-бытовые, книжные и т. п. «Тотъ не можетъ себѣ составить точнаго понятія объ основной идеѣ ни одной изъ русскихъ эпическихъ былинъ—замѣчаетъ онъ по одному поводу—кто не усвоитъ себѣ во всей ясности той мысли, что народный эпосъ, живя въ устахъ поколѣній въ теченіе столѣтій, доходитъ до насъ переполненный самыми грубыми и странными, другъ другу противорѣчащими, анахронизмами. Каждое поколѣніе, получая эпическое преданіе отъ своихъ предковъ, вноситъ въ него намеки, а иногда и цѣлые эпизоды изъ своей современности»... По взгляду Буслаева, древнія миѳическія воззрѣнія въ нашемъ эпосѣ чаще всего являются уже въ позднѣйшемъ, какъ бы преломленномъ, видѣ, съ значеніемъ мѣстнымъ, историко-бытовымъ, географическимъ и т. п.,—причемъ, замѣтимъ, этимъ элементамъ въ своихъ постепенныхъ изысканіяхъ онъ даетъ все бо́льшее и бо́льшее мѣсто. Вообще, въ отношеніи къ так. наз. миѳологической теоріи, Буслаевъ, напр., гораздо осторожнѣе Ор. Миллера; многимъ именамъ и предметамъ нашего народнаго эпоса, объясняемымъ О. Миллеромъ миѳологически, Буслаевъ даетъ болѣе простое, позднѣйшее, географическое или бытовое толкованіе (см., напр., его превосходную статью: *Бытовые слои русскаго эпоса*). Буслаевъ не забываетъ и о вліяніяхъ книжныхъ. Онъ особенно часто и съ особенною подробностью останавливается на тѣсныхъ связяхъ устной народной поэзіи съ памятниками письменности,—выдвигая въ этомъ случаѣ вопросъ, остававшійся до него почти совершенно незатронутымъ. Онъ впервые, напр., пытается уяснить взаимныя отношенія духовныхъ стиховъ къ апокрифамъ (Ист. оч., I, 480—504. II, 84—91); древнѣйшихъ народныхъ преданій къ лѣтописи (Нар. поэзія, 216—sqq). Громадной заслугой Буслаева вообще было, рядомъ съ произведеніями устно-поэтической народной старины — тщательное изученіе, въ

связи съ послѣдними, памятниковъ древне-русской письменности, гдѣ онъ чаще всего прокладалъ первые пути, являясь непосредственнымъ предшественникомъ болѣе позднихъ изслѣдователей... Нельзя не отмѣтить, наконецъ, что въ своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ Буслаевъ часто очень близко подходитъ къ позднѣйшей такъ наз. бенфеевской теоріи историко-литературныхъ изученій, явившейся поправкой и дальнѣйшимъ распространеніемъ метода Гримма,—не только признаетъ полную научную возможность объяснять нѣкоторые эпизоды нашего эпоса теоріей заимствованій и ссылками на поэзію востока, но и самъ дѣлаетъ нѣсколько сближеній такого же рода (ср. Отч. о XVI прис. нагр. гр. Уварова, стр. 58—sqq), признаетъ справедливость основной мысли Стасова о возможности вліянія на наши былины и вообще народный эпосъ эпоса монгольскаго, и вообще. въ своихъ позднѣйшихъ изысканіяхъ нерѣдко прямо становится на почву этого метода,—вполнѣ сознавая его научную законность и правильность. Широта постановки болѣе новыхъ изученій и блестящіе результаты, здѣсь добытые, не могли не подчинить своему обаянію столь отзывчиваго великаго ученаго; подъ конецъ Буслаевъ открыто призналъ гриммовскую теорію уже устарѣвшей... «Такъ называемая гриммовская школа съ ея ученіемъ о самобытности народныхъ основъ миѳологіи, обычаевъ и сказаній, которые я проводилъ въ своихъ изслѣдованіяхъ,—замѣчаетъ Буслаевъ въ предисловіи къ акад. изданію своихъ нѣкоторыхъ прежнихъ статей,—должна была уступить мѣсто теоріи взаимнаго между народами общенія въ устныхъ и письменныхъ преданіяхъ... Многое, что̀ признавалось тогда за наслѣдственную собственность того или другого народа—оказалось теперь случайнымъ заимствованіемъ, взятымъ извнѣ вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, болѣе или менѣе объясняемыхъ историческими путями, по которымъ направлялись эти культурныя вліянія»... (*Нар. поэз.*, пред., стр. III—IV).

Необходимо отмѣтить въ трудахъ Буслаева еще одну весьма важную сторону, отличавшую и Гримма. Послѣдній не только критически, но фантазіей, поэтическимъ чувствомъ возстановлялъ любимую старину. Подобная черта давала привлекательность и трудамъ Буслаева. Онъ съ любовью раскрывалъ преданія старины, вникалъ въ ея затаенный смыслъ, собиралъ ея поэзію въ тѣхъ membra disjecta, въ которыхъ она по большей части у насъ сохранилась, и объяснялъ ее современному читателю»... Буслаевъ особенно способствовалъ—«распространенію охоты всматриваться въ русскую древность и народность съ научной стороны. Никто изъ нашихъ изслѣдователей, замѣчаетъ Срезневскій, не содѣйствовалъ этому въ такой степени, и никто вмѣстѣ съ тѣмъ не произвелъ такого вліянія своими взглядами»..

Къ трудамъ Буслаева непосредственно примыкаютъ труды А. Н. Аѳанасьева (1826—1871). На трудахъ Аѳанасьева, впрочемъ, уже въ значительной степени сказываются болѣе позднія изысканія послѣдователей Гримма,—Куна, Шварца, Маннгардта (его первыхъ трудовъ), и особенно Макса Мюллера, труды которыхъ направились на выясненіе самаго процесса

созданія миөовъ, ихъ возникновенія, развитія и упадка, значенія миөологіи, какъ религіи,—ея отношенія къ «народной психологіи», къ общимъ законамъ человѣческаго мышленія и т. д. Изслѣдованія М. Мюллера имѣли особенно сильное вліяніе и въ западной и въ нашей наукѣ. М. Мюллеръ принимаетъ въ древнѣйшей, до-исторической жизни народовъ четыре періода развитія: 1) рематическій, 2) періодъ діалектовъ, 3) миөологическій и 4) періодъ народовъ. Въ первомъ, рематическомъ періодѣ происходило образованіе языка,—возникали корни словъ, возникали и развивались выраженія для самыхъ необходимыхъ понятій, каковы мѣстоименія, предлоги, числительныя и слова, относящіяся къ обиходу самой простой и безыскусственной домашней жизни,—постепенно вырабатывались грамматическія категоріи, «первыя начала грамматики, не органической, а еще только агглютинативной (еще не запечатлѣнной народными и индивидуальными особенностями, но уже заключающей въ себѣ зародыши всѣхъ туранскихъ, арійскихъ и симитическихъ формъ языка)»,—это періодъ «образованія словъ» (rhematic period). Во второй, періодъ діалектовъ, нарѣчій (dialectical period), произошло обособленіе трехъ основныхъ семействъ языковъ: арійскаго, симитическаго и туранскаго,—въ теченіе этого періода «двѣ семьи языковъ оставили первую степень, степень агглютинаціи, и приняли тотъ особый характеръ формаціи, который мы доселѣ встрѣчаемъ во всѣхъ нарѣчіяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ языковъ симитическихъ и арійскихъ, въ отличіе отъ языковъ туранскихъ, которые гораздо долѣе сохраняли и въ нѣкоторыхъ случаяхъ и теперь еще сохраняютъ эту способность образованія словъ путемъ агглютинаціи, что дѣлаетъ невозможнымъ или покрайней мѣрѣ значительно затрудняетъ всякую опредѣленную систему грамматики». Въ третій періодъ, «миөологическій», предшествовавшій первымъ слѣдамъ національныхъ литературъ, происходило образованіе тѣхъ, на первый взглядъ, странныхъ иногда нелѣпыхъ народныхъ разсказовъ, которые извѣстны подъ названіемъ миөовъ, и такъ какъ въ этомъ періодѣ арійское или индо-европейское семейство еще не разбилось на отдѣльные народы, то отсюда произошло чрезвычайное сходство, почти тождество миөовъ у народовъ этого семейства,— у индійцевъ, персовъ, грековъ, римлянъ, кельтовъ, германцевъ, славянъ. За миөологическимъ періодомъ слѣдовалъ четвертый, «періодъ народностей», во время котораго появляются самыя раннія черты народности въ языкѣ и литературѣ, возникаютъ первые зародыши національныхъ литературъ—Индіи, Греціи, Италія, Германіи. Періодъ созданія миөовъ «всего труднѣе, замѣчаетъ М. Мюллеръ, объяснить себѣ въ исторіи человѣчества»... Необходимо сдѣлать большое усиліе—представить характеръ языка того времени и процессъ первичнаго образованія словъ. Языкъ періода созданія миөовъ отличался конкретнымъ, чувственнымъ характеромъ, и былъ бѣденъ лексически. Онъ могъ выражать одни только внѣшнія впечатлѣнія,—понятій и словъ отвлеченныхъ, требующихъ сознательной работы мысли, еще не было; былъ совершенно чуждъ условности и отвлеченности современной рѣчи,— съ словами и выраженіями соединялись представленія «не о силахъ или

свойствахъ, а о *существахъ*, съ извѣстными силами и свойствами»... Языкъ былъ полонъ поэзіи. «Первоначальное созданіе каждаго слова было цѣлой маленькой поэмой, въ которой воплощались или смѣлая метафора или свѣтлое воззрѣніе на міръ». На природу и все окружающее первобытный человѣкъ смотрѣлъ поэтически; это было время какъ бы «поэтовъ»,—«которые до сихъ поръ продолжаютъ мыслить и чувствовать въ языкѣ, которые не произносятъ ни одного слова, не вложивъ въ него, такъ сказать, живой души, не соединяя съ ними яснаго, живого образа, которые относятся къ языку не безразлично, и въ этомъ смыслѣ могутъ быть названы μυθόλογοι»... Наши праотцы, создавая языкъ, были «безсознательными поэтами»... Отсюда —олицетвореніе явленій природы, годовыхъ и суточныхъ перемѣнъ, грозы и бури... Созданіе миѳовъ и объясняется этимъ свойствомъ первобытнаго языка, его «пластической изобразительностью»....Къ этому присоединялись другія явленія первобытнаго языка, также приводившія къ созданію миѳовъ, это—полюнимизмъ и синонимизмъ (polyonymy, многоименность и synonymy, соименность). Такъ какъ предметы назывались по внѣшнимъ признакамъ, а этихъ признаковъ могло быть много, то одинъ и тотъ же предметъ могъ получать много различныхъ названій, которыя въ этомъ случаѣ бывали синонимическими. Но въ то же время одинъ признакъ могъ принадлежать многимъ предметамъ, и они по этому общему признаку могли получать одно названіе. Многія изъ этихъ названій бывали метафорическими, и когда метафоры, съ теченіемъ времени, затемнялись и измѣнялось первоначальное значеніе словъ, то въ результатѣ нарицательныя слова дѣлались собственными, наприм., слово, означавшее «небо», превращалось въ имя небеснаго божества. Съ этимъ начинался миѳъ. Такимъ образомъ, для возникновенія миѳа, необходимо было, чтобы нѣкоторыя имена существительныя или цѣлыя выраженія потеряли свой коренной или первоначальный смыслъ,—слѣдовательно, миѳологія создается ненормальнымъ состояніемъ языка, другими словами—«миѳологія есть болѣзнь языка»... Для анализа миѳа необходимо предварительно «очистить» его, т. е. выдѣлить его сущность отъ позднѣйшихъ приставокъ, поэтическихъ украшеній и т. п., и затѣмъ сущность миѳа выясняется или прямо изъ самаго языка того народа, которому онъ принадлежитъ (объясненіе собственнаго имени божества его нарицательнымъ значеніемъ), или, если въ самомъ языкѣ это слово затемнилось, сравненіемъ съ языками родственными. Отсюда—«сравнительная миѳологія».—Что касается объективнаго содержанія миѳовъ, то въ этомъ отношеніи Мюллеръ является представителемъ такъ наз. солярной теоріи, въ противоположность другой, метеорологической, представителями которой были Кунъ и Шварцъ. Миѳологическія изслѣдованія М. Мюллера почти исключительно вращаются около солнца, какъ главнаго предмета первичныхъ миѳическихъ представленій. «Мои изслѣдованія, говоритъ онъ, всегда приводили меня къ *зарѣ* и *солнцу*, какъ къ главной темѣ всѣхъ миѳическихъ поэмъ арійской расы»... Восходъ и закатъ

солнца, ежедневная смѣна дня и ночи, борьба свѣта съ мракомъ,—вся эта «солнечная драма», какъ выражается Мюллеръ, со всѣми ея подробностями, драма, разыгрываемая каждый день, каждый мѣсяцъ, каждый годъ, на небѣ и на землѣ, служила основнымъ предметомъ древнѣйшихъ миѳическихъ представленій, а потомъ стала главнымъ содержаніемъ и древнѣйшихъ вѣрованій. Для первобытнаго человѣка закатъ, наприм., солнца вовсе не былъ явленіемъ постояннымъ, обычнымъ; провожая глазами закатывающееся солнце, онъ не былъ еще вполнѣ увѣренъ, что оно непремѣнно взойдетъ на другой день. Восходъ солнца былъ новой загадкой для первобытнаго дикаря и сильно возбуждалъ его умъ и фантазію»... Вотъ почему въ пѣсняхъ Ведъ такъ много обращеній къ зарѣ. Она была главнымъ источникомъ множеста самыхъ поэтическихъ, самыхъ разнообразныхъ миѳовъ арійскихъ народовъ. (М. Мюллера, *Сравнит. миѳологія*. Лѣт. рус. лит., V, отд. I, 1—121. *Наука о языкѣ*, пер. съ англ., в. 1, 1868; прод.—въ Фил. Зап., 1869—1870). По мнѣнію представителей другой теоріи, метеорологической, въ основѣ индоевропейскихъ миѳовъ лежитъ «не солнечная драма, а драма грозы и бури,—представленія быстро несущихся по небу облаковъ, застилающихъ солнце, грома и молніи, дождя, такъ оживляющаго землю, радуги... Всѣ эти явленія казались дикому, младенческому человѣку проявленіемъ неизвѣстныхъ, таинственныхъ существъ, и благодѣтельныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ страшныхъ. Явленія, необычайныя по своему характеру, не ожиданно наступавшія и быстро проходившія, должны были затронуть въ гораздо сильнѣйшей степени младенчески впечатлительный умъ первобытнаго человѣка, — чѣмъ періодически повторяющіяся перемѣны дня и ночи, лѣта и зимы, восхода и захода солнца. По мнѣнію Шварца, самымъ могущественнымъ источникомъ индо-европейскихъ миѳовъ были бури, особенно равноденственныя. «Все разнообразіе боговъ, говоритъ онъ, вытекаетъ только изъ явленій, происходящихъ въ непогоду, изъ явленій молніи и грома, изъ облачныхъ образовъ, изъ радуги!»... (Schwartz. Der Ursprung der Mythologie, Berlin, 1860). Обѣ теоріи, впрочемъ, легко могутъ быть примиримы, такъ какъ взаимно дополняютъ одна другую... (О теоріяхъ этихъ ср.: *Н. Булича*, О миѳическомъ преданіи, какъ главномъ содержаніи народной поэзіи. Казань, 1870, стр. 28—31. Вс. Миллера, Очерки арійской миѳологіи. М., 1876, стр. II—V, 183—190. В. Плотникова, Замѣтки о сравнительной миѳологіи Макса Мюллера. Варш., 1880, стр. 1—10. Пыпина, Ист. рус. этногр., II, 100—103.—122—123. 115—117. 118—119).

Важнѣйшій трудъ Аѳанасьева—*Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу* (3 т., М., 1865—1867—1869), писавшійся по частямъ въ теченіе почти 20 лѣтъ и увѣнчанный двумя уваровскими преміями. Обстоятельную оцѣнку этого труда сдѣлалъ Котляревскій въ «Отчетахъ» о присужденіи автору премій (см. Отчеты о X и XIII прис. нагр. гр. Уварова—Спб., 1868, стр. 39—81; Спб., 1872, стр. 334—373). Общая точка зрѣнія, на которой стоитъ Аѳанасьевъ—та же, на которой стоитъ и М. Мюллеръ. Его взглядъ на происхожденіе миѳологіи въ общемъ согласенъ съ теоріей Мюллера. Къ своему

взгляду Аѳанасьевъ пришелъ независимо отъ М. Мюллера, и даже прежде его, путемъ совершенно самостоятельнымъ, развивая свою теорію въ своихъ мелкихъ статьяхъ по миѳологіи задолго до появленія изслѣдованій Мюллера; получивъ поддержку со стороны знаменитаго европейскаго авторитета, нашъ ученый въ своемъ послѣднемъ трудѣ высказалъ свой взглядъ лишь съ большей рѣшительностью и опредѣленностью. Впрочемъ, между воззрѣніями Аѳанасьева и М. Мюллера есть и нѣкоторое различіе. По М. Мюллеру, поэтическая метафора явилась вслѣдствіе лексической бѣдности древняго языка: не пользуясь достаточнымъ запасомъ словъ, языкъ вынужденъ былъ употреблять одинакіе термины и слова для обозначенія различныхъ предметовъ и впечатлѣній; по мнѣнію же Аѳанасьева—къ которому присоединяется и Котляревскій—метафора произошла вслѣдствіе сближенія между предметами, сходными по производимому впечатлѣнію; она создавалась совершенно свободно, черпая изъ богатаго источника, а не по нуждѣ, не ради бѣдности языка. Изъ своего взгляда Аѳанасьевъ могъ сдѣлать болѣе логическій выводъ — котораго однако не дѣлаетъ — что первоначальный источникъ миѳическихъ представленій лежалъ не въ исторической порчѣ языка, не въ забвеніи первоначальнаго значенія словъ, а въ самомъ способѣ воззрѣнія первобытнаго человѣка на природу и ея явленія. Именно на эту точку зрѣнія становится Котляревскій. По его мнѣнію, метафора являлась необходимостью: мысль и опытъ были еще недостаточно сильны для того, чтобы различить предметы, производившіе одинаковое впечатлѣніе; это была не только поэтическая, но и реальная форма мысли древнѣйшаго человѣчества, его способъ видѣть и понимать предметы. Народъ оказывалъ предпочтеніе къ метафорѣ именно потому, что живую природу и ея явленія онъ не могъ понять и представить иначе, какъ въ формахъ извѣстной ему жизни, какъ совокупность живыхъ, дѣйствующихъ существъ... Въ дальнѣйшей судьбѣ миѳа вліяющими причинами Аѳанасьевъ указываетъ раздробленіе миѳическихъ сказаній, низведеніе миѳовъ на землю и прикрѣпленіе ихъ къ извѣстной мѣстности и историческимъ событіямъ и, наконецъ, нравственное мотивированіе миѳическихъ сказаній. Котляревскій соглашается, что всѣ эти обстоятельства—весьма важныя въ историческомъ движеніи миѳа, но прибавляетъ къ нимъ и еще другія, оставленныя Аѳанасьевымъ безъ вниманія. Изложивши теорію происхожденія миѳовъ, Аѳанасьевъ останавливается на источникахъ, изъ которыхъ почерпаются свѣдѣнія о миѳическихъ вѣрованіяхъ народа; сюда онъ относитъ: языкъ, письменные источники и различные памятники народной словесности, —загадки, примѣты, заговоры, сказки, легенды. Здѣсь Аѳанасьевъ главн. образ. слѣдуетъ Пиктѐ и М. Мюллеру. Послѣ этого Аѳанасьевъ переходитъ къ главному своему предмету,—къ объясненію «поэтическихъ воззрѣній», поэтическихъ образовъ, созданныхъ народной фантазіей первобытныхъ славянъ при взглядѣ на жизнь и природу. Авторъ съ поэтическимъ одушевленіемъ говоритъ объ отношеніяхъ древнѣйшаго человѣка къ природѣ, обусловившихъ и обоготвореніе ея, и различныя олицетворенія ея явленій и силъ. Согла-

шаясь съ взглядомъ М. Мюллера, что противоположность свѣта и тьмы, тепла и холода, весенней жизни и зимняго омертвѣнія—должна была особенно поразить наблюдающій умъ первобытнаго человѣка, Аѳанасьевъ разсматриваетъ сначала вообще народное обожаніе неба, солнца, мѣсяца и звѣздъ, затѣмъ переходитъ къ объясненію образовъ, въ какихъ народная фантазія рисовала явленія и факты природы: небесныя свѣтила, зарю, грозу, день и ночь, лѣто и зиму. Затѣмъ идутъ подробныя обслѣдованія и объясненія частныхъ миѳическихъ представленій и образовъ—н е б а и з е м л и, при чемъ останавливается на славянскихъ божествахъ Дива, Сварога и Святовита,—с т и х і й с в ѣ т а, при чемъ разсматриваетъ метафоры солнца, облаковъ, дождя, молній, сближеній небеснаго свѣта съ земнымъ огнемъ, миѳы о солнцѣ, мѣсяцѣ, огнѣ, зарѣ; при этомъ въ образахъ славянской Лады, Сивы, Пятницы и св. Недѣльки авторъ видитъ миѳическія представленія богини весеннихъ грозъ; м и ѳ и ч е с к и х ъ п р е д с т а в л е н і й г р о з ы, в ѣ т р о в ъ, р а д у г и,—первичнаго смысла миѳовъ и понятій о ж и в о й в о д ѣ и в ѣ щ е м ъ с л о в ѣ, миѳовъ о П е р у н ѣ и его метаморфозъ, Ярилѣ и Ильѣ-громовникѣ, и О г н е н н о й М а р і и, замѣнившей собою языческую богиню весеннихъ грозъ, разсматриваетъ б а с н о с л о в н ы я с к а з а н і я о п т и ц а х ъ, въ связи съ другими ближайшими миѳами о яйцѣ, лебединой сорочкѣ, коврѣ-самолетѣ, шапкѣ-невидимкѣ и т. п.,—миѳическія представленія о б л а к а,—баснословныя сказанія о з в ѣ р я х ъ и н е б е с н ы х ъ с т а д а х ъ, при чемъ авторъ объясняетъ миѳическое значеніе Волоса, Егорья Храбраго и Полисуна. Таково содержаніе перваго тома (гл. I—XIII); уже изъ него можно видѣть всю обширность охваченнаго изслѣдователемъ матеріала. Второй и третій томы состоятъ изъ слѣдующихъ главъ (нѣкоторыя по своей обширности являются какъ бы цѣлыми монографіями): Собака, волкъ, свинья.—Огонь.—Вода; жертвоприношенія у славянъ, кумиры, жертвенники и храмы, судебные поединки.—Древо жизни и лѣсные духи.—Облачныя скалы и перуновъ цвѣтъ.—Преданія о сотвореніи міра и человѣка.—Змѣй.—Великаны и карлики.—Нечистая сила.—Облачныя жены и дѣвы.—Души усопшихъ.—Дѣвы судьбы.—Вѣдуны, вѣдьмы, упыри и оборотни.—Процессы о вѣдунахъ и вѣдьмахъ.—Народные праздники (гл. XIV—XXIII). Предметъ изслѣдованія, какъ видимъ, составляютъ не только поэтическія воззрѣнія славянъ, но и ихъ религіозныя вѣрованія,—на сколько послѣднія вытекаютъ изъ первобытныхъ воззрѣній на явленія природы. При помощи сравненія съ миѳическими сказаніями другихъ родственныхъ племенъ, изслѣдователь старается открыть утратившійся смыслъ этихъ старыхъ славянскихъ воззрѣній и вѣрованій, объяснить ихъ происхожденіе и постепенныя измѣненія. Авторъ указываетъ (какъ замѣчено К о т л я р е в с к и м ъ),—какіе поэтическіе образы создавались умомъ и фантазіей древняго человѣка подъ вліяніемъ извѣстныхъ явленій природы,—разбираетъ при этомъ термины языка и выраженія народной рѣчи, сюда относящіеся, группируетъ и передаетъ родственныя представленія и миѳологическія сказанія разныхъ народовъ и перелагая такимъ путемъ на языкъ науки наив-

ныя метафоры миѳическаго міросозерцанія, вѣрованій и суевѣрныхъ обычаевъ, пытается привести въ ясность причины ихъ существованія, источникъ и ихъ коренное значеніе. Объяснительные пріемы Аѳанасьева, по мнѣнію Котляревскаго, вообще должны быть признаны основательными; они вытекаютъ не изъ личной прихотливой мысли, но изъ самыхъ явленій; авторъ собираетъ факты не для подтвержденія какой нибудь предвзятой теоріи, но ради объясненія ихъ, и потому онъ заботится о возможной полнотѣ и совершенно свободенъ отъ недостатковъ теоретика, выбирающаго только то, что ему пригодно, и уклоняющагося отъ противорѣчій.. Важнымъ недостаткомъ изслѣдованія, по справедливому замѣчанію Котляревскаго, является количественное несоотвѣтствіе славянскаго матеріала сочиненія съ матеріяломъ родственныхъ народовъ: послѣдній иногда совершенно подавляетъ первый. И вообще въ книгѣ исчезаютъ этнографическія особенности. Все разнообразіе племенныхъ элементовъ какъ будто живетъ одною жизнію; мы не видимъ передъ собою собственно славянской народной жизни: образы ея теряются въ массѣ другихъ, заслоняются болѣе величавыми и художественными... Относительно самаго изслѣдованія, наиболѣе слабой и бѣдной, сравнительно съ другими, стороной книги является лингвистическая; самостоятельною частью здѣсь можно назвать подборъ словъ и выраженій, живописующихъ различные предметы и явленія природы и добросовѣстно извлеченныхъ авторомъ какъ изъ двухъ областныхъ русскихъ словарей и толковаго словаря Даля, такъ и изъ памятниковъ народной и письменной словесности; лингвистическія же собственно изслѣдованія авторъ оставилъ на долю своихъ преемниковъ и, въ большинствѣ случаевъ, скромно ограничился лишь передачей уже извѣстнаго». Весьма важнымъ недостаткомъ книги Аѳанасьева, и вообще его изысканій въ области этнографіи, является также отсутствіе историческаго элемента. Въ своихъ объясненіяхъ онъ совершенно оставляетъ безъ вниманія историческую сторону предмета, воздерживается отъ всякихъ историческихъ выводовъ и замѣчаній. Въ своихъ разысканіяхъ онъ стоитъ исключительно на психологической почвѣ, на этой почвѣ слѣдитъ за возникновеніемъ и развитіемъ миѳа,—не принимая во вниманіе, что послѣ того миѳъ прошелъ очень длинный историческій путь, подвергся многочисленнымъ вліяніемъ со стороны позднѣйшей исторической обстановки народа, со стороны его быта, словомъ, что миѳъ развивался въ связи съ общимъ развитіемъ быта, жизни и исторіи народа; авторъ совершенно забываетъ объ этой исторической постепенности въ развитіи миѳическихъ возрѣній и образовъ, и ставитъ рядомъ эпохи самыя различныя, сопоставляя и сравнивая воззрѣнія, принадлежавшія, очевидно, періодамъ времени далеко неодинаковымъ. Но самый существенный, основной недостатокъ труда Аѳанасьева и вообще всего направленія его ученыхъ работъ—это излишнее пристрастіе къ миѳологическимъ толкованіямъ, стремленіе вездѣ и всюду, въ самыхъ мелкихъ чертахъ обряда, былины, сказанія—видѣть миѳъ, слѣды миѳическихъ воззрѣній. Авторъ, справедливо замѣчаетъ

Котляревскій, слишкомъ много даетъ силы и крѣпости народной памяти. «Онъ, повидимому, не допускаетъ въ ней почти никакихъ уклоненій въ область фантазіи въ произведеніяхъ народнаго творчества, не признаетъ напр. въ былинѣ никакихъ другихъ измѣненій, кромѣ внѣшняго историческаго наслоенія. Онъ стремится возвесть къ миѳическому источнику и объяснить, какъ природную метафору, всѣ даже мельчайшія, частныя черты былины и все, что находитъ хотя какое либо соотвѣтствіе съ другими преданіями»...

Не смотря на указанные недостатки, книга Аѳанасьева была важнымъ шагомъ въ нашей миѳологической наукѣ; она положила прочныя основанія для дальнѣйшихъ изученій этой области. Увлеченіе миѳологическими толкованіями—основной недостатокъ книги Аѳанасьева—былъ не столько его личнымъ взглядомъ, сколько общимъ направленіемъ этнографическихъ изученій въ то время. Книга Аѳанасьева была въ этомъ случаѣ только отраженіемъ тѣхъ научныхъ увлеченій, которыя до послѣдняго времени господствовали въ этой области научныхъ изысканій и у насъ и на западѣ. Аѳанасьеву съ полной справедливостью можно сдѣлать тотъ же упрекъ, какой сдѣлалъ акад. Веселовскій De-Gubernatis'у, разбирая его *Zoological Mythology* (1872): владѣя громаднымъ миѳологическимъ матеріаломъ, Аѳанасьевъ, такъ же какъ и Де-Губернатисъ— «самовольно наложилъ на себя руки, отказавшись отъ всякой попытки къ самостоятельнымъ выводамъ».. Этотъ упрекъ, повторяемъ, одинаково шелъ ко всему господствовавшему теченію въ области тогдашнихъ миѳологическихъ изученій. Это было время, когда наукѣ сравнительной миѳологіи вообще—«не особенно счастливилось». «Заявивши свое пришествіе въ семью другихъ, сродныхъ съ нею наукъ, книгой Куна, блестящими этюдами Макса Мюллера,—она на этомъ почти и остановилась. Продолжатели послѣднихъ мало подвинули дѣло впередъ: большинство ихъ, работники второй руки, увѣровавши, закрывъ глаза, въ два-три положенія, высказанныя учителями, спѣшили приложить ихъ къ какой либо спеціальной задачѣ, не заботясь о провѣркѣ принциповъ». Слѣдуя за М. Мюллеромъ или Куномъ, «всѣ сравненія имѣли единственною цѣлью подтверждать либо солярную либо метеорологическую теорію и, зная заранѣе взглядъ изслѣдователя, читатель могъ быть вполнѣ увѣренъ, что всѣ детали, какія представляютъ разбираемые миѳы, будутъ въ концѣ концовъ приведены къ одному знаменателю, войдутъ въ поэтическую картину грозы или восхода солнца».. Всякую обыденную исторію норовили обратить въ миѳъ. Стоило только отыскать, что въ той или другой лѣтописи, былинѣ, сказаніи есть общія мѣста, встрѣчающіяся въ другихъ лѣтописяхъ, сказаніяхъ, чтобы тотчасъ же заподозрить ихъ достовѣрность и выдвинуть ихъ изъ исторіи. Ихъ думали объяснить иначе—либо заимствованіемъ, перенесеніемъ нѣкоторыхъ безразличныхъ подробностей изъ одного памятника въ другой, либо миѳомъ. Но заимствованіе приходилось бы доказать для каждаго даннаго случая, а гипотеза миѳа такъ удобна! Общія мѣста, мотивы, положенія, повторяющіяся

тамъ и здѣсь, иногда на такихъ разстояніяхъ и въ такихъ обстоятельствахъ, что между ними нѣтъ видимой, услѣдимой связи—что̀ это такое, какъ не миѳы, какъ не осколки одного какого нибудь общаго миѳа? Стоитъ только однажды стать на эту точку зрѣнія, а возсозданіе этого миѳа и объясненіе его—дѣло легкое, при податливости матеріала, съ которымъ обращается миѳическая экзегеза. Такимъ образомъ и Роланда, сподвижника Карла Великаго и героя очень реальной chanson de geste, хотѣли не такъ давно обратить въ германскаго бога, потому что у того и другого нашлись сходныя черты»... Шварцъ не прочь былъ отыскивать миѳы въ пѣсняхъ Гейне, Де-Губернатисъ отыскиваетъ ихъ у Рабле, у Гюго!... (См.: Веселовскаго, Сравнительная миѳологія и ея методъ. Вѣст. Евр., 1873, окт., стр. 637—680. Вс. Миллера, Очерки арійск. миѳологіи. М., 1876, стр. 11).

Болѣе широкія изученія, позднѣйшаго времени, всей области народной поэзіи въ связи съ памятниками письменности средневѣковой, европейской, и другихъ народовъ, особенно восточныхъ и славянскихъ, весьма значительно съузили область древней миѳологіи и вообще самыя изслѣдованія поставили на совершенно другую дорогу. «Въ прежнее время, предположеніе исконной старины того или другого народнаго сказанія, суевѣрія и т. п. вело прямо къ заключеніямъ о древней (общей) миѳологіи: на днѣ каждаго преданія виднѣлся первобытный миѳъ; по указаніямъ болѣе или менѣе выработанныхъ миѳологій принималось какое либо натуралистическое толкованіе миѳа (напр., почитаніе солнца, олицетвореніе тучи и грозы и т. п.), и такъ какъ можно было предполагать для древнѣйшихъ стадій развитія народовъ одного племеннаго корня одни психологическія основанія миѳологическаго творчества, то казалось естественнымъ объяснять содержаніе миѳа по тѣмъ же основамъ, какія считались доказанными для другой, чужой миѳологіи. Такъ древняя русская миѳологія объяснялась на основаніи германской. Теперь оказывалось нѣчто иное. Изслѣдованіе средневѣковыхъ книжныхъ памятниковъ въ сравненіи ихъ между собою и съ живымъ современнымъ фольклеромъ (англ. словомъ folklore означается вообще народная поэтическая старина, преданія, поэзія)—указало внѣ всякаго сомнѣнія, во первыхъ, обильные факты книжнаго заимствованія въ средніе вѣка, факты международной передачи сказаній, и во вторыхъ продолжающееся существованіе этихъ сказаній въ современной народной памяти, и при послѣднемъ обнаружилось, что очень многое, что̀ могло бы показаться чисто народнымъ миѳомъ, бывало не болѣе какъ развитіемъ и видоизмѣненіемъ вычитаннаго въ книгѣ»... На эту новую почву изслѣдованій ранѣе другихъ стали въ своихъ изученіяхъ призведеній народной поэзіи въ западной наукѣ Бенфей (см. его «введеніе» въ *Pantschatantra, 1859)*, Маннгардтъ, сначала ревностный послѣдователь теоріи Я. Гримма, а потомъ наиболѣе сильный ея противникъ (см. его *Wald-und Feldkunde. Berlin, 1877*), у насъ—А. Н. Веселовскій и И. В. Ягичъ.

Веселовскаго, Ягича и ихъ послѣдователей не удовлетворяетъ ни солярная, ни метеорологическая теорія; обѣ кажутся имъ односторонними и узкими. По мнѣнію этихъ изслѣдователей, нельзя всю область ми-

ѳологіи ограничить лишь небесными миѳами. «Облачные миѳы, замѣчаетъ Веселовскій, играютъ большую роль при началѣ разныхъ миѳологій; это одни изъ основныхъ миѳовъ; но не существенные». Рядомъ съ миѳами неба были миѳы животныхъ и растеній. Разные миѳологическіе циклы возникали самостоятельно, и существовали совмѣстно, хотя и развивались неровно. Животныя сказки вовсе не могутъ быть привязаны къ облачному миѳу, и Веселовскій никакъ не соглашается вѣрить, чтобы продѣлки нашей Лисы Патрикѣевны когда либо имѣли мѣсто въ облакахъ, а не въ курятникѣ. Раньше миѳической коровы или другого миѳическаго животнаго, раньше борьбы небесной—человѣкъ зналъ простыхъ земныхъ животныхъ, и видѣлъ борьбу враговъ земныхъ. Если небесные миѳы образовались по отношеніямъ земной жизни, то первоначально усмотрѣны были эти, земныя отношенія. «Миѳъ правда закрѣплялъ обыденныя отношенія въ болѣе широкіе образы, но эти отношенія могли спастись отъ забвенія и другимъ путемъ, кромѣ миѳа. Народная память сохраняла разсказъ о набѣгѣ одного племени на другое, о единоборствѣ двухъ витязей, о кровавой драмѣ въ семьѣ старшины,—и готовъ былъ эпическій разсказъ, зародышъ народнаго эпоса. Этотъ разсказъ могъ имѣть сходныя черты съ мотивами облачнаго миѳа, но это сходство могло состояться безъ всякой генетической связи между ними. И если миѳъ религіозный съ теченіемъ времени обезцвѣчивался и дѣлался сказкой, то могло то же самое случиться и съ реальнымъ эпическимъ разсказомъ: историческія имена забывались, мѣстныя черты отпадали и точно также являлась сказка. Так. образомъ не все въ связкѣ принадлежитъ миѳу,—многое возникло изъ реальныхъ житейскихъ отношеній. Иначе придется отрицать возможность зарожденія пѣсни и эпическаго разсказа по поводу факта, случившагося на землѣ, а не на небѣ». Вообще въ настоящее время мы имѣемъ дѣло чаще всего съ миѳами, прошедшими цѣлую длинную исторію разъединенія, смѣшенія и осложненія подъ вліяніемъ сліянія родовъ и племенъ, измѣненія понятій и бытовыхъ отношеній. Подобныя явленія совершались и въ области эпическихъ сказаній, которыя также имѣли свою исторію и которыя мы имѣемъ теперь передъ собою въ этомъ смѣшанномъ и осложненномъ видѣ. Вопросъ толкованія состоитъ въ томъ, чтобы отличить эти позднія приставки отъ того, что́ можно считать кореннымъ и неслучайнымъ...—Особенно многимъ должна древняя миѳологія поступиться въ пользу позднѣйшихъ международныхъ заимствованій, христіанскихъ и вообще книжныхъ вліяній. Многое изъ того, что́ относилось миѳологами прежней школы въ до-историческій миѳъ, въ арійскую древность,—при болѣе широкихъ изученіяхъ позднѣйшихъ изслѣдователей оказывалось вовсе не столь глубоко миѳическимъ и не столь древнимъ. Мнимо до-историческое оказывалось средневѣковымъ, арійское—не арійскимъ (напр., еврейскимъ), древне-языческое—христіанскимъ. Чѣмъ дальше шли изслѣдованія, тѣмъ обильнѣе были открытія, и тѣмъ ярче вы-

ступало значеніе, во первыхъ, того запаса восточно-эпическаго матеріала, который переходилъ черезъ Византію въ міръ южно-славянскій и русскій, съ другой, въ западную Европу, и во вторыхъ, христіанской легенды и апокрифическихъ сказаній....—Какіе же отдѣлы народнаго эпоса болѣе всего сохранили слѣдовъ древняго миѳа? Къ какимъ прозведеніямъ народной поэзіи долженъ прежде всего обратиться миѳологъ? спрашиваетъ Веселовскій, и отвѣчаетъ: «Несомнѣнно, къ тому, къ чему самъ народъ относится еще какъ къ своему вѣрованію—стало быть, къ *обряду, обрядовой* и *дѣтской пѣснѣ, къ заговору*: въ нихъ мы вѣрнѣе всего найдемъ отголоски того непосредственнаго отношенія къ природѣ, къ міру животныхъ и человѣка, которое должно было лежать въ основаніи древнихъ народныхъ религій. Это и есть основной матеріалъ для миѳологической экзегезы... Отъ обряда, обрядовой пѣсни, заговора, долженъ отправиться изслѣдователь, желающій возсоздать общія черты древнѣйшей миѳологіи, причемъ все равно, вздумаетъ ли онъ ограничиться одной народной особью, или распространить свое обозрѣніе на вѣрованія цѣлой расы. Только придя къ нѣкоторымъ цѣльнымъ выводамъ на основаніи указанныхъ матеріаловъ, можетъ онъ обратиться къ другимъ родамъ народной поэзіи, напр., *сказкамъ*, отыскивая въ нихъ тѣ же мотивы, слѣды той же миѳологической системы. Но ему необхоимо помнить, что народъ въ сказкѣ не видитъ даже «были», не только вѣрованія, что она для него «складка», иногда даже не имъ сложенная, а занесенная неизвѣстно откуда»..,—Веселовскій, Сравнительная миѳологія и ея методъ. Вѣстн. Евр, 1873, окт., стр. 637—680. Пыпинъ, Ист. русской этнографіи, II, стр. 256—257. 265—267.

Работы пока сосредоточиваются на частныхъ, отдѣльныхъ видахъ фольклора; новый критическій пріемъ еще не выработалъ цѣльнаго представленія о предметѣ; «старое зданіе разрушено, а новое далеко еще не воздвигнуто»,—но выводы, которые удалось получить и теперь, уже съ достаточной убѣдительностью ручаются, что новое зданіе воздвигается на прочныхъ, устойчивыхъ основаніяхъ. Съ дѣятельностью названныхъ лицъ, особенно Веселовскаго, въ изученіи нашего фольклора совершился столь же значительный поворотъ, какой въ свое время произвели изслѣдованія Буслаева...

Того же автора:

Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ, ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси. Изданіе Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. Спб. 1882.

В. А. Жуковскій. Первые годы его жизни и поэтической дѣятельности. Казань. 1883.

Древне-славянское Евангеліе, принадлежащее Обществу археологіи исторіи и этнографіи при Имп. Каз. университетѣ. Воронежъ. 1883.

Театръ до-Петровской Руси. Историко-литературный очеркъ. Казань. 1884.

XVII вѣкъ въ исторіи русской литературы. Историко-литературный очеркъ. Спб. 1884.

Любопытный памятникъ русской письменности XV вѣка. Изданіе Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. Спб. 1884.

Св. Кириллъ и Меѳодій и совершенный ими переводъ св. Писанія. Казань. 1885.

Первые труды по изученію начальной русской лѣтописи (до изд. «Полн. Собр. Рус. Лѣт.»). Библіографическія замѣтки. Казань. 1885.

Приложеніе къ брошюрѣ: «Св. Кириллъ и Меѳодій» и пр. Библіографическія замѣтки. Казань. 1885.

Цвѣтущій періодъ древне-болгарской письменности и одинъ изъ его представителей. Воронежъ. 1886.

Борьба съ католичествомъ и умственное пробужденіе Южной Руси къ концу XVI в. Историческій очеркъ. Кіевъ. 1886.

Пушкинъ въ его произведеніяхъ и письмахъ. Казань. 1887.

Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII вв. Москва. 1888.

Новый трудъ о Жуковскомъ (изъ «Ж. М. Н. Пр.»).

Творенія отцевъ церкви въ древнерусской письменности. Обозрѣніе рукописнаго матеріала. Спб., 1888.

Творенія отцевъ церкви въ древнерусской письменности. Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій. I—IV. Казань, 1889—1891.

С. Т. Аксаковъ. Дѣтство и студенчество (изъ «Рус. Обозр.»).

Григоровичъ и русская литература 40-хъ гг. Казань. 1894.

Памяти Н. С. Тихонравова. Ученые труды Тихонравова въ связи съ болѣе ранними изученіями въ области исторіи русской литературы. Казань. 1894.

Русскій театръ XVIII в. (изъ «Рус. Обозр.»).

Zur Geschichte des deutschen Lucidarius. Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Litteratur, herausgegeben von E. Schroeder und G. Roethe. Sonder-Abdruck. Berlin. 1897.

Къ исторіи нѣмецкаго и чешскаго Луцидаріуса. Казань. 1897.

Отчетъ о научныхъ занятіяхъ во время заграничной командировки. Казань. 1897.

Болгарскій Пѣснивецъ 1227 года (изъ «Извѣстій II отд. И. А. Н.»).

Исторія литературы, какъ наука. Варшава. 1897.

Программа лекцій по исторіи русской литературы, съ указаніемъ источниковъ и пособій. Казань. 1898.

2

DATE DUE